

Сергей Панарин
Сила басурманская
Серия «Очарованный дембель», книга 2

Текст предоставлен издательством «Крылов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165929

Панарин с. Очарованный дембель против орды. Сила басурманская.: Крылов; Санкт-Петербург;

2008

ISBN 978-5-9717-0595-6

Аннотация

"... А в день, когда волхвы пришли к Юрию и сказали, что пал славный град Тянитолкаев, на самой высокой башне княжьего городища зажегся странный огонь. Горело алым, а в середине чернела огромной чечевицей тьма. Красный глаз зыркал в разные стороны, рычал утробно, пробуждая в людях странные желания и неприличные мысли. Так продолжалось ровно сутки. Потом жуткий пламень потускнел и погас, оставив после себя клуб черного дыма и крик, услышанный всеми мозгвичами:

– Должок за тобой!

Некоторым причудилась в дымовой туче сухая рука, грозящая когтистым пальчиком. ..."

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава первая,	6
Глава вторая,	14
Глава третья,	23
Глава четвертая,	33
Глава пятая,	43
глава шестая,	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Панарин

Сила басурманская

– Для чего, отче, летопись?

– У дерева есть корни, у людей – прошлое. Отсеки корни – усохнет дерево. То же бывает и с людьми, если они жизнь своих дедов и отцов не пожелают знать. Человек на землю приходит и уходит, а дело его – злое или доброе – остается, и от того, какое дело оставлено, живущим радость либо тягота и горе. Дабы не увеличивать тягот и не множить горя, живущие должны знать, откуда что происходит.
И. Калашиников. «Жестокий век»

Пролог

Истинный любитель мудрости и слуга знания людского способен трудиться в любых условиях. Такому и небо – кров, и пыльная дорога – светлица рабочая, и серый ослик – скамья. Трясет, болтает, а плешивенький человек с куцей бороденкой знай перо в висящую на шее чернильницу макает да пишет, пишет, пишет на драгоценном заморском пергаменте, лежащем на ловко прилаженной столешнице.

Ни капли не уронит, ни единой ошибки не допустит, а почерк ровный, образцовый. Мастера каллиграфии из страны Кидай позавидовали бы. Уж они-то верхом так не горазды.

Отнимет взгляд от пергаamenta мужичок, пощекочет пером вострый нос, натянет повыше широкие рукава холщовой рубахи и снова в работу. А исхитрись кто заглянуть в грамоту, прочел бы интересное заглавие: «Свидетельствие о событиях истинных, запечатленное Неслухом-летописцем во году жары необычайной».

И ниже мелким идеальным шрифтом развернулись бы события удивительные да деяния геройские:

«По обычаю предков почну рассказ честный с благословения богов о витязях Егории да Иване, о страшном чародее Перехлюздии да о Злодии Худиче, Яви алчущем.

Спокойна была Родина наша Эрэфия, Рассеюшкой некогда называемая. Ладом установленным зима весною сменилася, а там и лето хлебородное наступило, и батюшка-солнышко светило всем ласково, ан в заповедном Задолье испоганился чародей мерзкий Перехлюздий, Злебогом совращенный.

Замыслил черный волшебник отверзнуть врата Навьи, выпустить Злодия Худича из Пекла. Страшной ворожбе научил Перехлюздия сам повелитель мертвых. И звезды сошлись для волхования супостатского, и уже дочитывал черный волхв страшное заклятие, когда к костру его выбрали братья-витязи Егорий да Иван, богатыри заезжие, выходцы из мира неведомого. Прервали они речи волшебные, остановили ворожбу смертельную. Надломились печати, богами на врата Пекла наложенные, да выдюжили – не выпустили Злебога-аспида.

Разгневался Перехлюздий, но богатыри сильнее оказались. Устремился колдун, Злодием наущаемый, в светлый Легендоград, дабы объединить усилия с тамошним слугою злебожым. Но вновь на путях нечисти встали витязи Иван да Егорий. Защитили тамошнюю княжну, ныне княгиню Василисушку, оборонили священного птаха Рарожича. А пока есть святые существа на земле нашей, не бывать Злодию Худичу победителем!

Но не унялся Перехлюздий, направил свои стопы в другое княжество, в Тридевяцкое, и там, в граде Торчок-на-Дыму, вместе с басурманским колдуном Пьером де Моноклем и кикиморою Ненаглядной впустил из Пекла в Явь войско страшное, бесовское! Ворвался к

нам жар преисподенный! И вновь, если бы не братцы-витязи, был бы Злебог сейчас повелителем Посюсторонни поднебесной.

Помогали же Ивану с Егорием и вещий старец Карачун, и князь Хоробрий Тридевяцкий, и княгиня Василиса Легендоградская со своими дружинushками хоробрыми. А пуще каждого из названных пособлял победе справедливой народ простой, за что я, Неслух-летописец мозговский, низко ему кланяюсь и каждого сии строки читающего призываю к тому же.

А теперь об этих и других событиях поподробнее...»

Мужичок оторвался от письма да так и замер с пером, занесенным, словно сабля, над куцей головой. Дорога, сосновый лес, птицы щебечут не по-осеннему. И жара тоже отнюдь не октябрьская.

Шлепнула бледная ладонь по высокому лбу, аж слезы брызнули.

– Ой, Доля моя, Недоля моя! – бабьим голосом воскликнул летописец. – Отстал, как есть отстал!

Он пришпорил серого ослика и вскоре, за поворотом, увидал попутчиков – богатырей заезжих Ивана да Егория.

Часть первая Лиха беда начало

Глава первая, в коей наши соплеменники продолжают скитания по странному миру, но не бесцельно, а с сугубым умыслом

*Безопасность – это самое большое препятствие в реализации
мирного плана «Дорожная карта».
Дж. Буш-мл.*

– Черт тебя дернул по поезду пьяным бродить, да еще и с ключом от всех дверей, – досадливо проговорил Егор Емельянов, качаясь в седле и глядя на брата.

Каурая лошадка-тяжеловоз неторопливо переставляла мохнатые ноги и косилась на нетерпеливого гнедка, на котором восседал Иван, он же Старшой. Парень хмурился. Егор попал в самую точку: если бы не потянуло его на подвиги, то не выпали бы братья-близнецы из дембельского поезда, не заблудились бы в зауральском лесу и не выбрали бы в неведомый мир Соловьев-разбойников, кикимор-леших, князей-бояр да прочей сказочной живности.

Старшой взбил пятерней черную шевелюру, старательно избегая смотреть на Егора. Ну, прав, куда деваться, только сделанного не воротишь. Затянулся путь двух отслуживших воронежцев домой с военной базы. И затянулся именно из-за Ивана. Но заикливаться на старых ошибках бесполезно, теперь надо в свой мир пробиться, а там видно будет.

– Дембельнулись так дембельнулись, – продолжил ворчать младший близнец.

Вот ведь диво: разница в возрасте полчаса, а характеры – просто небо и земля. Да и внешне братья не похожи. Иван – статный красавец-брюнет, Егор – светловолосый силач-увалень. Первый удачлив, как бес, второй вечно в аутсайдерах. Старшой умен и хитер, младший прост и упрям. Близнецы.

– Брось, братан, не сверли, – примирительно сказал Иван, смахивая с погона несуществующую пылинку.

Емельяновы так и путешествовали в армейской форме, лишь иногда переодеваясь в местную. Вот и сейчас оба красовались в дембельских нарядах.

Старший сержант Иван Емельянов пустил по штанинам золоченые лампасы, вшил подплечники, сделал вставку в шеврон, идеально начистил пряжку ремня и классически загнул ее углы. В общем, выглядел сущим героем. Ефрейтор Емеля предпринял аналогичные декорационные мероприятия, но его парадка получилась потусклее.

Два всадника-молодца в российской военной форме смотрелись на лесной дороге странно. Лес-то был первородный, дремучий такой... Вот-вот из-за очередной старой мохнатой ели покажется избушка на курьих ножках. Или на поваленном сосновом стволе сядет Соловей-разбойник. Или в ветвях клена мелькнет черным крылом вещий ворон... Братьям такое не в новинку: они и Бабу Ягу встречали, и Соловья победили, и с птицей-посыльным старца Карачуна знакомы.

– Эй, витязи! – донесся высокий крик летописца.

Братья обернулись, увидели вдалеке скачущего на ослике мужичка.

– О, блин, а я и забыл про него, – усмехнулся Старшой. – Ну и провожатого навязал нам Карачун.

– Нормальный мужик. С ним не скучно, – немедленно вступился Егор, останавливая кобылку.

Путешествие длилось второй день, и Неслух лишь час назад прервал бесконечные рассказы о княжествах Эрэфии, чтобы заняться, наконец, своими прямыми обязанностями. Мужичок намеревался перенести на бумагу приключения близнецов, пользуясь тем, что у них можно уточнить любые детали. Емельяновы ехали из Торчка-на-Дыму в славное Мозговское княжество, а Неслух-мозгвич вызвался их проводить. Старец Карачун, снарядивший братьев в путь, только порадовался. Тут и юным богатырям наука (хотя какие они юные в восемнадцать-то лет?), и ученому защита.

Пока ослик семенил к близнецам, Иван отметил, что в лесу стало темнее: вот-вот начнутся сумерки. Пора позаботиться о ночлеге.

Вскоре путники присмотрели неплохое местечко возле ручья. От дороги недалеко, а за деревьями их не будет видно. Поляна была удобной, чувствовалось, что ею часто пользуются.

Спешились, осмотрелись.

Иван достал из седельной сумы сломанный допотопный радиоприемник «Альпинист».

– Убери его на фиг! – запротестовал Егор.

Он отлично помнил подлую магию Перехлюзда. Злой колдун собрал из радио и досок страшное орудие – белиберданку. Ее залп принял на себя Емельянов-младший и чуть не сошел ума.

– Да ладно, братан, я аккуратно, – не без издевки успокоил Иван. – Ты пойми, если местное чучело придумало, как использовать «Альпиниста», то мы просто обязаны что-нибудь с ним замутить.

Старшой всю дорогу от Торчка-на-Дыму жалел о потере чудотворной газеты. Парень открыл особые свойства предметов из нашего мира. Здесь, в Эрэфии, газета сокрушала дубовые столешницы, значит, и приемник на что-нибудь да способен.

Раз уж выдался привал, надо покрутить-поэкспериментировать.

Оставив Егора и Неслуха, Иван нашел удобную кочку, сел и принялся за радио. Конечно, «Альпинист» был суперстарым. Россиянин прочитал: «Сделано в СССР, 1981 год», ниже присутствовал пятиугольничек Знака качества. Трещины на пожелтевшем от времени корпусе, грязные ручки, помутневшая шкала. Отсек для батарей пустовал, крышечка потерялась.

«Ну, и где взять батарейки?» – задумался Старшой.

Пощелкал пальцами по заржавленным контактам, извлекая жалобный звук «бздынь-дынь-дынь!».

Тут-то Ивана и дергануло током. Чуть-чуть. А радио разразилось треском.

Парень отдернул руку, треск пропал.

– Опаньки, – выдохнул дембель. – От меня, что ли, питается?.. Хм, не трясет, значит, разряд маленький...

Недолго поборовшись с трусостью, Старшой решился – приложил указательный и средний пальцы к клеммам. Слегка кольнуло, приемник затарахтел. Аккуратно повернув «Альпинист» к лесу задом, к себе передом, Иван принялся крутить колесико. Долгое время ничего не ловилось.

«Да и не должно, – ухмыльнулся парень. – Откуда тут станции?»

И ошибся! Приемник пискнул, крикнул, и сквозь шум проступил бодрый мотивчик.

Иван чуть не выронил радио из рук, пальцы слетели с клемм, звук пропал.

Осторожно восстановив контакт, Старшой вернул сигнал. На фоне музыки заговорил жизнерадостный голос:

– Для знатной кикиморы из Задольского лесхоза передаем песню группы «Хэнде хох». И заиграло-запело что-то знакомое из школьного детства:

Ты назови его, как меня:
Автандил Евграфович Степной-Бирюлькин...

Несколько минут Иван пытался поймать еще какую-нибудь станцию, но не преуспел. Вернулся на ту, где шел концерт.

Как упоительны в Рассее вечера,
Дворцы, коттеджи и столетние каморки,
Балы, забавы да бандитские разборки...
Как упоили-то меня вчера!
Но верь, товарищ, что взойдет хотя б одна
Звезда пленительного длительного счастья,
И на обломках или просто на запястьях,
Быть может, выколют и наши имена.

– Хватит на первый раз, – удовлетворился дембель, выключил радио и побрел к попутчикам.

Пока Иван забавлялся с приемником, Емельянов-младший и Неслух-летописец разбили лагерь: запалили костер, поставили некое подобие палатки. Лошадей и ослика не расседывали, просто сводили к ручью. Теперь животные, привязанные к раковым ветвям длинными поводьями, щипали траву.

После скромного ужина Егор отправился «проведать окрестности». Не поленился прогуляться подальше, к плотной стене кустарника, разделявшей лагерь и дорогу. Не спеша углубился в заросли и... замер, услышав голоса.

– Точно не опоздали? – сипло прозвучал тихий басок откуда-то слева и сверху.

– Точно, – ответил громкий шепот справа. – Сейчас покажутся.

Егор бесшумно присел, вглядываясь в кроны деревьев, окруженных кустами. Сквозь желтеющую листву просматривались две фигуры. Ясно, что мужчины. Одежда бедная, латаная, на ногах не то рваные сапожки, не то поршни – кожаная обувь, оборачиваемая вокруг ноги наподобие портянки. На головах прильнувших к стволам орешника мужиков виднелись то ли мешки, то ли кули. А может, колпаки. Лиц россиянин не увидел – только затылки.

«Странные какие-то, – подумал ефрейтор Емеля. – Разбойники, может?»

– Что я говорил? – снова зашептал правый. – Наш купчишка.

С дороги донесся целый букет звуков: глухой стук копыт, дребезжание тележных колес, мужские голоса и смех. Звуки приближались.

– Пора? – нетерпеливо прогундел обладатель баска и зашевелился.

– Куда, дура?! Готовься.

Оба натянули мешки на лица, прихватили шеи тесьмой, чтобы холщовые маски не падали.

«Сто пудов бандиты, – уверился Егор. – Ага, веревочку потуже затяните. Остановить, что ли? Хм, а вдруг их не двое?»

– Ну, пора же! – снова не выдержал сидящий слева, заерзал. – Я сейчас обмочусь...

– Сиди, чучело. Терпи. Ближе подпустим.

– Изверг.

Левый хмыкнул.

Меж тем звуки с дороги стали совсем громкими. Непоседливый совсем извелся, тихо заскулил. Второй, которого Емельянов-младший считал бывалым и спокойным, вдруг пронзительно свистнул и ужом соскользнул с дерева. Первый не замешкался, оказался на земле мгновением позже второго. Бросились на дорогу.

Кругом заорали, засвистели. Егор привстал, раздвинул кусты.

Караван был небольшой: две телеги, запряженные пегими волами, да пятеро всадников. Воинов всего трое. Восточные, вон и сабельки кривые повыхватывали. Сам купец, тучный и ярко разодетый, растерянно оглядывался. Со всех сторон к остановившемуся обозу неслись одинаковые разбойники. Бедные серые одежды, мешки на головах, в руках дубье или клинок. Всего человек десять.

В движениях этих людей было что-то знакомое. Егор припомнил странного попутчика Зарубу Лютозара, которого якобы прислал тянитолкаевский боялин Люлякин-Бабский. Заруба отлично проявил себя в сражении с воинством Злебога и был тяжело ранен. Когда братья Емельяновы покидали Торчок-на-Дыму, Лютозар лежал в коме. Карачун без особого энтузиазма сказал, что жить будет. Егору пришлось на ум сходство загадочного бойца с ниндзя. Слегка порывшись в вещичках Зарубы, близнецы сделали вывод, что он и вправду местный аналог японского воина-шпиона.

Да, нападавшие двигались, как Лютозар! Шаги, положение рук... Только не изящно, топорно, будто пародировали его манеру. Емельянов-младший оценил разбойников с точки зрения борца и понял: ребята слабаки, просто берут числом и устрашающим видом.

– Сарынь на кичку!!!¹ – вопили грабители, очевидно предлагая слугам отступить от хозяина, но те, как и ефрейтор, не понимали требования.

Схлестнувшись с воинами купца, бандиты стали беспорядочно размахивать дубинами и пугать лошадей криком – авось сбросят всадников.

– Нет, ну и машут, – пробурчал Егор. – Так ведь и поранить кого-нибудь могут.

Он двинулся к месту схватки.

Толстый купец проявил неожиданную ловкость: лихо отбивался небольшой саблей от одиночки-бандита.

Тем временем какой-то проворный висельник заскочил на переднюю повозку и скинул возницу, схватился за кнут... Емельянов-младший подбежал, не дал угонщику сдвинуть волов, сдернул разбойника наземь, догнал кулаком по голове.

Сразу же поспешил на помощь конникам-воинам. Под одним из них споткнулась лошадь, он упал, и нападающие радостно взревели, принялись колотить его дубьем. Егор что есть силы толкнул ближнего лиходея, тот врезался в двух других, все повалились, попав под ноги ополоумевшей кобылки. Ефрейтор успел обменяться с поверженным охранником взглядами. Восточный сабельник был благодарен.

Подхватив уроненную разбойником дубину, Емельянов-младший сошелся с очередным «мешочником». Грамотно выбив из руки грабителя щербатенький меч, Егор ткнул соперника в солнечное сплетение и добавил плюху по уху.

Купец ранил противника и пошел на выручку своим бойцам. Злоумышленники почувствовали свою слабость.

– Ходу! – скомандовал главарь.

Бандиты кинулись врассыпную, кое-кто сумел прихватить с обоза отрез ткани или затейливый кувшин. Увалень-ефрейтор придержал за ногу уползающего длинного лиходея, получившего под дых:

¹ «Сарынь на кичку!» – «Чернь, на нос (корабля)!» Так волжские лихие люди командовали подневольным матросам убраться в сторону и выдать хозяина.

– Кто таков?

– Портной! По большим дорогам шью дубовой иглой! – прохрипел разбойник и наудачу лягнул Егора.

Емельянов-младший был невезучим – грабитель угодил ему в лоб. Ошеломленный парень разжал пальцы, и плененный преступник, словно ящерица, юркнул в кусты.

А тут и Старшой с летописцем на дорогу вывалились, потревоженные криками и свистом.

– Что случилось?

– Да вот, босяки какие-то на обоз напали, – пояснил очевидное Егор, растирая лоб.

К братьям и Неслуху подъехал расфуфыренный купец. Теперь появилось время его разглядеть. Полный, щеки пухлые, нос мясистый, глаза хитроватые, но умные. Вроде бы араб. Халат красный, шитый золотом. Сапоги сафьяновые, штаны атласные. Богатый, одним словом.

– Благодарю небо за мудрое течение судьбы, которое вынесло тебя, о могучий и доблестный, к моему терпящему бедствие скромному обозу, – сказал купец Егору. – Я сын несравненной Персии. Зовусь Торгаши-Керим, знающие меня люди добавляют Честнейший.

И он изобразил персидский приветственный жест: приложил пальцы правой руки ко лбу, затем к губам и наконец к груди.

– Да не за что. – Ефрейтор пожал могучими плечами. – Я Егор. Это мой брат Иван. А это Неслух-летописец.

Торговец оценил цепким взглядом каждого, восхищенно вскинул пухлые ладони:

– Подлинно свидетельствуют древние: где тебя подстерегает потеря, там ждет тебя и славное приобретение! Не те ли вы богатыри, которые посрамили не далее как неделю назад войско черного зла? А ты, замечательный книжник, не тот ли Неслух, чьи труды украшают не только мозговскую сокровищницу? Я имел несомненное счастье пить из кувшина твоей мудрости. «Слово о полку и горе его», «История государства Российского» и «Еще одно, более короткое и оттого совсем обидное слово о полку»...

– Да, это мои труды, – поклонился летописец. – А эти славные витязи – именно те самые Иван да Егорий.

– Редкостный сплав ума и ратной удали, да на троих, как велит ваш обычай! – то ли польстил, то ли подколот Торгаши-Керим.

К нему подъехал молодой мужчина, что-то шепнул.

– Мы легко отделались. Пара отрезков да кувшины, – усмехнулся купец и обернулся к троице охранников. – Видит всевышний, я плачу вам не зря, но вас маловато.

Воины хмуро кивнули. Они вышли из короткой схватки почти без потерь. Один получил несколько ушибов, второму слегка рассекли плечо, третий уцелел, правда, разбойничий нож поцарапал бок коняги, но неглубоко.

– Почтенный, – обратился к торговцу Неслух. – Ты и вправду поступил не очень осмотрительно. Места у нас глухие, народ бедный...

– Верить ли, книжник, в Тянитолкаеве меня успокоили, сказав, что мозговский князь крепкой рукой навел порядок на дорогах. К тому же эти два воза – лишь часть моего каравана, идущего в Легендоград под водительством наследника. Сам же я отделился, чтобы проторить свой будущий путь в земли Юрия Близорукого. Кто мог предположить, что мой тянитолкаевский знакомец пустит лодку своих советов по мутной реке лжи? – Торгаши-Керим сокрушенно покачал головой.

– А кто тебя ввел в заблуждение?

– Боялин Станислав Драндулецкий, да покарает его острое справедливости.

Братья Емельяновы переглянулись. Они оба помнили, что за фрукт этот боялин. Зазвал в гости, опоил, захватил в плен, потом послал Егора воевать с огромным драконом... Редкостный подлец.

Иван подумал: «Странно, купец вроде богатый и умный, а повелся. Неясно, зачем Драндулецкому врать».

– Уже темнеет, – продолжил беседу летописец. – Мы ночуем тут, за зарослями. Если желаете, присоединяйтесь.

Торговец потерял нижнюю губу. Лиходеи с мешками на головах – надо же было додуматься до такого? – могли и вернуться... Улыбнулся:

– Прервать вязь пути рядом с таким богатырем, как Егор, и почетно и... безопасно. Мы с радостью примем ваше приглашение, мудрейший.

Егор обрадовался. Стоянка предвещала интересные рассказы. Старшой же слегка напрягся: Неслук распорядился без спросу. Нет, Иван вовсе не против, только летописец ему не начальник.

Подогнали повозки на поляну, слуги занялись волами, стражники расседлали своих и купеческих лошадей.

Тем временем Торгаши-Керим Честнейший представил своего пожилого спутника:

– Это Абдур-ибн-Калым, моя правая рука. Знатный учетчик и советник. Человек редчайшей в наши смутные времена грамотности.

Редчайший грамотей повторил персидский салют, но у купца он был исполнен достоинства, а советник поприветствовал новых людей как-то мелко.

– А Калым – это от выкупа за невесту? – поинтересовался Иван.

– О, нет! – возразил Абдур. – Имя моего отца Калым происходит от слова «галым», то есть ученый, знающий.

– Это что же выходит, «галимый» типа «ученый», что ли?! – удивился Емельянов-старший.

Он мысленно окрестил учетчика Обдури-Калымом. Вроде бы невзрачный человек в скромном на краски и узоры, но дорогом одеянии, аккуратной чалме. Абсолютно седой, хоть и не слишком старый. Черные глаза не потускнели с возрастом, смотрят остро, в лице уйма хитрости, намного больше, чем в пухлой физиономии купца. Возможно, подлинным кузнецом богатств Торгаши-Керима является Обдури.

Расселись у костра, караванщики организовали небедный стол. Уже отужинавшие близнецы да летописец пожалели, что сыты. Зато не отказались от вина и сладостей, которыми столь славен Восток, или, по-местному, Восход.

Купец блаженно развалился на постеленном слугами-возницами ковре. Неслук-летописец разговорил торговца, и тот сладким, как рахат-лукум, голосом отвечал ему о мудрецах своей страны и обычаях иных земель, о новостях наук и ее же признанных ошибках...

Егор слушал раскрыв рот, а Иван отсел подальше, стал вспоминать дом, родителей... «Вот ведь ерунда какая, поступил в универ, а если тут застрянем надолго, то и к началу занятий не успею», – подумалось Старшому. Он действительно перед уходом в армию сдал экзамены в аграрный. Зачем он это сделал, парень и сам теперь не понимал, да и не об университете сейчас следовало печься. Мать, наверное, уже места себе не находит... Скорей бы добыть все необходимое для возвращения в свой мир.

Иван вспомнил разговор с Карачуном.

Отгремел пир, посвященный победе над Злодием, уехала Василиса, про которую Старшому тоже было что вспомнить, и колдун позвал богатырей в один из висячих садов Торчка-на-Дыму. Побеседовать. Сев на скамейку, старец прислонил к ней посох, погладил жилистой рукой длинную тонкую бороду, прищурился, выдохнул сквозь сжатые зубы.

Парни устроились напротив, скосились на лежащий внизу город. Там гуляли.

– Потехе час, а делу время, – изрек Карачун. – Каждая победа есть начало новой брани. Три дня назад я говорил вам, что вы можете попасть домой с помощью заветных вещей и моей особой ворожбы. Отверзну дверь в ваш мир, так уж и быть. Ну, и неча в праздности прозябать, настал час отправляться за диковинами.

– Вот именно, – подал голос Егор. – А то мамка ждет...

– Мамка, – повторил волшебник. – Дети вы еще. Раздобудьте мне живой воды, молодильных яблочек, золотой ключ и перо жар-птицы.

– А меч-кладенец не надо? – язвительно поинтересовался Иван.

– Незачем, – серьезно ответил Карачун. – Хотя меч Егорию не помешал бы. Да уж как получится. А шуточки ты зря шутишь, Ваня. Беду предвижу, за вас опасаюсь, но иного способа вам помочь не ведаю. Золотой ключ найдете в Мозгве. Я даже провожатого приглядел. Летописец и книжник.

– А остальные предметы? – спросил практичный Старшой.

Волшебник вздохнул:

– Где яблоки с живой водой да пером, не знаю. Вещий Бояндекс, возможно, что-то помнит. Или на лукоморье поспрашивайте. Не повредит заглянуть к Ерепню. Карту дам.

– Что за Ерепень?

– Да кто их, лешаков болотных, поймет? – ответил старец. – Пусть подскажут, где чего взять, я сам давно уже за такими мелочами не слежу.

Карачун замолк, слушая шелест желтой листвы, чириканье воробьев и звуки дальней гулянки. Поправил латаное-перелатаное рубище, ткнул пальцем в траву:

– Зимы не будет. Видите, из-под старой сухой молодая проклевывается? На яблонях почки появляются. Скоро цвести станут. Осенью! Чуете, что жар Пекла сотворил? А кабы мы промешкали, все сгинуло-сгорело бы дотла. Злодий Худич страшен в мощи своей.

– Ну, мы же его поставили на место, – беспечно сказал Егор.

– Думаешь? – осклабился Карачун. – Дети сущеглупые... Вот вам карта, отправляйтесь немедленно!..

Сейчас, при свете костра, Иван в очередной раз рассматривал карту, развернув свиток, врученный старцем. Парень без труда угадывал в ее очертаниях часть нашей Евразии. Нашлись какие-то незначительные отличия, но в основном совпадение было. Перед Старшим лежало лесистое Задолье, где начались злключения братьев Емельяновых в этом мире, западнее располагалось странное Тянитолкаевское княжество, во всем поделенное пополам, севернее него находился славный Легендоград. Тридевятицкое княжество широко раскинулось южнее и восточнее Задолья. Степь. Еще южнее неведомый картограф написал емкое: «Мангало-тартары», за ними – отгороженный огромной стеной Кидай.

Мозговское княжество, куда сейчас направлялись братья и Неслух-летописец, лежало севернее Задолья, на востоке от Легендоградских владений. Еще севернее, где на нашей карте должна быть Ладога, Иван узрел самое настоящее море, а по изогнутой береговой линии тянулась надпись «Лукоморье». Там, где изгиб был наиболее крут, стояла жирная точка: «Дуб (зеленый)».

Карта рассказывала и о других местах и княжествах, но Старшой сосредоточил внимание на полезных местностях. Мысленно забежав вперед, Иван прикинул, куда лучше податься после того, как они с братом получат в Мозгве первый ингредиент. Поиски молодильных яблок и живой воды придется начать либо в Легендограде у вещего Бояндекса, либо двигать к лукоморью. Лукоморье ближе, зато в Легендограде Емельянова-старшего всегда ждет молодая княгиня Василиса Продвинутая.

«Что-то я постоянно о Ваське своей думаю...» – Иван зевнул, поморгал уставшими глазами. Спрятал карту и лег спать.

Угомонились и остальные путешественники. Лишь трое охранников по очереди сторожили обоз.

Глава вторая, в коей на пути героев возникает неслабое препятствие, а их старый друг обещает страшное

*– Чую, русским духом тут пахнет!.. – насторожилась Баба-яга
и оказалась в этом права, перед тем как быть обманутой во всем
остальном.*

М. Веллер

Есть на свете Мировое Древо. О нем много в народе сказывают: и первоначалие всему оно дает, и воплощением бога Рода является, и всякая судьба на нем, аки листочек, висит, пока не сорвется...

Но мало кто знает, что под Мировым Древом сидит вещий старец Бухгалтерий и ведет учетную книгу человеческой жизни, где все подсчитаны, все описаны до последней буйной головушки. Книга так и называется – «Главная».

Слева старец пишет добрые дела, и это Актив. Справа рука Бухгалтерия выводит дела злые, и сия половина книги носит имя Пассива.

Спросит кто непонятливый: «Отчего ладное дело по шуйце, а скверное по деснице располагается, когда правая сторона завсегда за добро отвечала?» Так для того и завели такое, чтобы равновесие блюлось!

Давным-давно боги завели порядок, при котором Актив должен равняться Пассиву. Если же по итогам отчетного срока, – а таковым у светлых богов считается эра – баланс нарушается, то к вещему старцу прилетает не менее вещая птица Аудитор, обликом вылитый жареный петух, и клюет седого Бухгалтерия в темечко.

Дедушке становится больно и обидно, хотя он-то как раз ни при чем – дела творят люди, а он лишь учитывает. Что ж, не все уложения богов справедливы, да вы это и сами знаете.

Примерно такими бреднями забавлял Нестор-летописец Егора поутру, когда путешественники оседлали лошадей и снова двинулись к Мозгве. Иван же коротал досуг в обществе купца Торгаши-Керима – караванщик предпочел держаться близнецов. Перед выступлением восточный гость фактически нанял Емельянова-младшего охранником, щедро выплатив задаток золотом. Десять монет сейчас, еще десять потом. Старшой тихо радовался: раньше им с братом не приходилось получать деньги только за то, чтобы просто ехать рядом с заказчиком.

Торговец же ничуть не обеднел, наоборот, считал, что большой богатырь достался ему дешево. А ведь Егор-то накануне не продемонстрировал и трети своих возможностей. Не мог же он сокрушать рассеян-разбойников, как некогда победил каменного льва – раскрошил гранитную голову ударом кулака. В этом удивительном мире удаль и сила Емельянова-младшего волшебным образом возросла до сказочного уровня.

Надо признать, что Иван слегка завидовал брату. Конечно, в руках Старшого до недавнего времени была чудесная газета, и именно она переломила ход битвы со Злебогом, а сейчас парень принаравливался к радиоприемнику, но хотелось-то чего-нибудь сродни Егоровой мощи – без артефактов из нашей реальности. Может, все еще впереди?

Путь укорачивается добрым разговором. Торгаши-Керим поведал Емельянову-старшему много любопытного:

– У шаха Исмаила, да продлит всевышний его годы и да приумножит богатства моей Персиянии, есть два сына-наследника Кара-Аббас и Бара-Аббас. Ты напоминаешь мне старшего – Кара-Аббаса. Принц красив и желаем многими девами моей страны и зарубежья.

Речи его – музыка, поступки – жесты будущего владыки... – Купец спохватился. – Да будет здоров много лет его величество шах Исмаил!.. А вот младший, Бара-Аббас, к большому сожалению родителя и его верных подданных, угодил в тенета странного недуга, занесенного нам гнилыми западными ветрами.

– Как это? – заинтересовался Старшой.

– Год тому назад в сиятельную столицу шахства, славный Хусейнобад, прибыл посол. «Я явился к тебе, о Исмаил, с дарами и предложением мира. Глава святого Латунского ордена отец Терминарий протягивает тебе руку дружбы». Ненавистные латунцы попортили немало крови нам, персиянцам, но всегда получали достойный отпор. Теперь же мы решили, что западные шакалы смирились с твердыней нашей мощи и подвели коня своего разума под седло благоразумия. Шах, да будет его имя сиять в веках уже при жизни, принял дары и не поспешил на ответные. Но недаром мудрые предупреждают о коварстве латунцев! В числе диковин, привезенных с Заката, был магический кристалл в серой оправе. Младший принц устремил взор в таинственные глубины кристалла и – о, ужас! – застыл перед ним, ссутулившись, словно старый собиратель хвороста! Лишь пальцы, лежащие на узорчатой столешнице, то и дело подергиваются, а ясные очи мечутся беспокойно, следя за чем-то, живущем внутри проклятого кристалла.

Иван похлопал своего гнедого конька по шее, мол, не торопись. Дембель и персиянец оставили обоз далеко позади, рисковать не следовало.

– Сильная магия, – сказал Старшой для поддержания беседы.

– Острие твоего разума легко вспарывает грязные завесы, прячущие драгоценную истину, – похвалил Торгаши-Керим. – Сначала досточтимый наш Исмаил повелел разбить злосчастный предмет, но советники отговорили. Маги нашего шаха, да будут его потомки славнее предка, выяснили, что душа бедного Бара-Аббаса переместилась в кристалл, и именно поэтому разбивать его ни в коем случае нельзя. Младший наследник попросту погибнет! Тогда призвали самого сильного дервиша, он спустился с гор, худой, будто кошелек раба. В глазах сего святого человека горели два огня, а сердце стучало так, что было слышно за сто шагов.

«Это либо из-за перепада давлений, либо из-за какого-то забористого допинга», – сообразил Иван.

Купец продолжил:

– А дервиш лишь бросил взгляд на Бара-Аббаса и изрек: «Устрашись, шах, ибо отпрыск твой пребывает в плену у злого духа! Бедный принц Персиянии думает, будто он в страшном лабиринте, заполненном стражниками и ловушками, и должен во что бы то ни стало добраться до прекрасной дочери соседнего шаха». Тогда светлейший Исмаил, да будь он просто здоров для краткости, посыпал главу пеплом отцовского горя: «Спасется ли Бара-Аббас или погибнет?» На эти слова дервиш откликнулся, выкурив фарфоровую трубку, и в ней был совсем не табак: «Ой-е, почтенный шах, пути будущего твоего сына неведомы, но духи подсказывают, что нынче он перешел на третий уровень». Как ни допытывался безутешный родитель, но дервиш так и не объяснил ему, что это за уровни и сколько их всего.

Старшой подумал, уж не игровая ли приставка из нашего мира попала в руки принца. А что? Вполне вероятно.

Пока Торгаши-Керим излагал трагическую историю шахской семьи, караван выехал из леса, пересек поле и углубился в сосновый бор.

– Красивы ваши земли, – сменил тему купец.

– Оставайся тут, – брякнул Иван.

– Глупа та птица, которой не мило родное гнездо, – покачал головой персиянец. – Каждый миг отсчитываю до нового свидания с белокаменным Хусейнобадом. Но у вас тоже кра-

сиво, хоть вы и облачаетесь в нескромные одежды дикой необузданности и носите грязные башмаки несправедливого беззакония.

Стало как-то обидно.

– Не прячь тараканов оскорблений в шкатулку красноречия, купец, – вдруг выдал Старшой. – Наша земля, она... разная. Недостатки есть, но мы над ними работаем.

А сам подумал: «Вот брякнул, капец. И Родина моя все-таки не здесь». Мысль вернула Ивана к проблеме, которая не давала ему покоя в последние дни: что все-таки это за мир? То ли сказка, то ли карикатура, только какой бы дикой стороной ни поворачивалась к близнецам-россиянам эта реальность, но назвать ее чужой язык не поворачивался.

Торговец же одобрительно кивнул, дескать, защищай свой край и дальше.

Постепенно Иван приотстал и поравнялся с младшим братом и летописцем, прислушался к рассказу Неслуха:

– ...Тогда наших предков уважительно звали Заборейцами, а страну величали Забореей.

– Что, типа всех могли забороть? – широко улыбнулся Егор.

– Нет, молодец. Оттого, что для народов южных мы живем за северным ветром, коему имя Борей.

– Слушай, книжник, – встрял Старшой. – Я давно хотел спросить: почему тебя Неслухом зовут?

Летописец скривился, растер плешку ладонью.

– Ох, отроче... Я токмо родился, и на второй день дом наш рухнул с великим грохотом и треском. Колыбелька, как водится, была подвешена к матице², потому боги сберегли меня и матушку, сидевшую рядом. Я не закричал, не расплакался, и матушка решила, что я глухой. Оттого и Неслухом нарекли. И не слишком-то ошиблись – малый я был пострел пострелом.

– Как же это дом рухнул? – Иван был под впечатлением от истории летописца.

– От всего не застрахуешься, – глубокомысленно выдал Егор.

– Как-как? – не понял слова Неслух.

Старшой улыбнулся:

– А! У вас, наверное, нет такого понятия – страхование.

– Страхование... Стра-хо-ва-ни-е... – летописец будто бы попробовал это слово на вкус. – Очевидно, это усеченное от «страх хования». «Хование» есть «прятанье». Следовательно, «страхование» – это либо «боязнь спрятать и потом не найти», либо «боязнь того, что кто-то опасный прячется поблизости». А может, это страх быть спрятанным?..

– Темнота, – прокомментировал Емельянов-старший, украдкой наблюдая, как чуть впереди негромко совещаются купец и Абдур-ибн-Калым. Пожилой учетчик то и дело оглядывался на близнецов и Неслуха.

«Блин, не крысятничает ли старик Обдури?» – мелькнула мысль у Ивана, но пухлый Торгаши-Керим чему-то рассмеялся, махнул рукой на советника, дескать, брось молоть ерунду. Это успокаивало.

Мимо не спеша проплывали деревья. Караван миновал пару бедных деревенек. Ветхие маленькие домишки торчали, словно грибы. Путники не останавливались.

Купец долго ерзал в седле, явно мучаясь каким-то раздумьями, а потом присоединился к близнецам и летописцу.

– Скоро ли Мозгва?

Ответил Неслух:

– С часу на час минуем Крупное Оптовище, деревню-ярмарку. А в столице к вечеру будем, уважаемый.

² Матица – главная потолочная балка в избе.

– Ох, скорей бы, – вздохнул персиянец. – Тяжел здешний путь. Колеса повозок разрушаются ямами бездорожья, а дух скитальца терзает ожидание: вот сейчас выскочат из кустов новые мешочники, влекомые быстрой наживой.

– Я им выскочу, – хмуро усмехнулся Егор; он давно уверился в своих силах.

– Мой верный Абдур-ибн-Калым справедливо заметил, что даже во владениях степного Тандыр-хана торговому люду обеспечена полная безопасность. – Купцу было не по себе, и он не сумел скрыть замешательства, напрягся, стал растягивать слова. – Там, у мангалотаргара, посягателя на караван ждут немедленный суд и неотвратимая казнь. А вчерашние грабители, да проляжет их след по засушливым пустыням, ушли целыми. Редкая удача, говорит советник.

Старшой догадался, куда клонит Торгаши-Керим, нахмурился:

– Твой учетчик считает, что мы в сговоре с разбойниками?

Персиянец умоляюще поднял руки. Перед Иваном маячили пальцы-сардельки, щедро униженные золотыми перстнями. Понятно, есть за что беспокоиться.

– Не корите моего помощника, витязи! Труды беззаветного служения частенько заливают глаза бедного Абдура едким потом подозрительности.

– Во загнул... – прошептал Егор.

Жирная физиономия купца расплылась в довольной улыбке:

– Недаром Персиянина считается колыбелью красноречия.

– А Рассея – родина всего! – неожиданно пылко заявил Неслух-летописец.

Иван усмехнулся, вспоминая популярную присказку:

– И слонов тоже?

– Особенно слонов! – книжник сделал ударение на слово «особенно». – В северных пределах Эрэфии, в вековых льдах, находили огромных мохнатых слонов. Я усматриваю, что в пору большого похолодания слоны бежали в теплые края, где и облысели, потому что шуба в жару не нужна.

Старшой подумал, что при правильном подборе фактов и грамотном их перевирании можно доказать любую, даже самую несусветную ересь. Вон, умудряются же новые «историки» повернуть так, будто бы монгольского ига не было.

Часа в два дня перед путниками показался предсказанный Неслухом ярмарочный поселок.

Крупное Оптовище и вправду было немаленьким. Выехав из леса, путники придержали коней перед спуском в долину и узрели бескрайний деревянный городок, занявший большое поле. Домишки были приземистыми, похожими на ангары. В центре стояло большое, в три этажа, здание. На улицах царило столпотворение. Пешие, конные двигались туда-сюда, а на крупных трактах обнаружили самые натуральные пробки. Возницы многочисленных телег орали друг на друга и правительство да досадливо стегали кнутахми ни в чем неповинных лошадей. Царила глобальная толчея.

У каждого домика был устроен прилавок, повсюду кипела торговля. Здесь было все: ковры, горшки, леши, калачи, ткани, латы, сарафаны, упряжь, сапоги-сороходы и лапти-медленнотходы, писало обыкновенное и стирало заповедное, мед папоротниковый и птичья икра, честность цыганская и хитрость простодыра, глупость книжная и мудрость лубочная... До путников доносился говор горячий, звон монетный, шорох купюрный, стоны прогадавших да смех нагретых руки. Смутные запахи также сворачивали: тут и сладости, и пряности, и много еще чего... Истинно русская раздольность сквозила в каждом фрагменте цветастой мозаики, раскинувшейся перед потрясенными путешественниками.

Загорелись, запылали алчным огнем глазенки персиянского купца, затеребил бородку Абдур-ибн-Калым. Жажда предаться неумемному торгу заставила тронуть каблуками бока лошадей, потереть вспотевшие ладошки, судорожно сглотнуть накатившую слюну.

– Эй, эй! Уважаемые! – окликнул летописец. – Тпру!

– Не стреноживай жеребца рынка ветхими путами властных запретов, – отмахнулся, не оборачиваясь, Торгаши-Керим.

– Нельзя вам туда! – Неслух закусил губу. – Пропадете!

– Кто, мы?! – Купец расхохотался. – Я прошел пекло восточного базара, ад западного торжища и чистилище мангальского барахло-продая.

Иван переспросил летописца:

– Барахло-продая?

– Рынок по-тартарски, – поморщился книжник, понукая серого ослика. – Уважаемые! Опомнитесь, не вернетесь же!

Но купец и его провожатые с обозом уже вовсю катили в радушно открытые ворота Крупного Оптовища.

– Остановите их! – призвал близнецов Неслух, и в его блеющем голосе явственно звучала мольба.

– Да что случилось-то? – буркнул Егор. – Мужики на барахолку едут...

Старшой тоже недоумевал, с чего это завелся летописец. Тот нетерпеливо подстегивал ослика.

– Как же вы не понимаете? Они же там станут жить-поживать и добра наживать!

– Завидно? – предположил Иван.

– Дурак! – сорвался книжник. – Они туда хотят! Понимаете? Хотят!!!

Братья Емельяновы стали беспокоиться за рассудок Неслуха, но предпочли не отставать.

– Стойте, басурмане безголовые! – неистовствовал ученый.

Караванщики не слышали. Всадники и два возка лихо вкатились в ворота, и летописец издал жалобный вопль:

– Сгинули, черти желтомордые!

Иван проявил жестокость, гаркнул по-военному:

– Отставить сопли! – и мягче, растерянно добавил: – Блин, объяснишь ты нам, в чем дело, или нет?

– Они туда хотели, – заныл Неслух. – Знать, нетути им дороги оттоль...

– Почему? – Егор насел на убивающегося мужичка с другой стороны. – Ограбят, что ли? Так я им там всем...

– Сущеглупые отроки! Кто в Крупное Оптовище по желанию ступит, тот оттуда не воротится.

– Что за хрень? – вырвалось у Старшого.

– Хреновая, – вздохнул книжник, успокоившись и притормозив ослика. – В незапамятные времена здесь жил купчина Купердяй. Умудрялся снегом зимой торговать, да такой оборотистый был, что втридорога продавал. А приобретал-то за сущие копейки! Талант в нем наличествовал, а вот совести не водилось. В младенчестве прочитал черную книгу Спекулянда Заморского «Как стяжать богатство, ни куя, ни пахаючи». Познал купеческие секреты. Стал богатейшим человеком, а родную свою деревеньку Малые Оборотцы превратил в огромную ярмарку Крупное Оптовище. Никого не жалел Купердяй, обжуливал и малого и старого... Пока не ободрал как липку одного дедка тощего. «Доволен собой?» – спросил обманутый. Купчина ответил, мол, да. «Тогда знай, глупец, что пред тобой сам Кощей! – пророкотал старичок. – Проклинаю тебя и потомков твоих, а до кучи и место сие! Быть здесь вечному торгу, бессмысленной ярмарке и гнилому базару во веки вечные!» Сказал и исчез. А тут теперь вот...

– В смысле? – Егор почесал затылок.

– Всякий, кто Оптовищем прельстится, станет здесь пленником. Отсюда только вперед ногами уезжают, – проговорил Неслук. – Днем торгуют, ночью мучаются, по дому страдают.

– Чего страдать? Встал да пошел домой, – сказал Иван и тут же подумал, что они с братом как раз и рады бы «встать да пойти», но не так все просто...

– Волшебство Кощеево сильно, потому что зло, – наставительно произнес летописец. – Никому не удавалось покинуть Крупное Оптовище. Ни разу.

Реалист Старшой не слишком поверил книжнику. Его интересовали практические задачи:

– Ладно, давайте объединим этот супермаркет и двинем в Мозгву.

– погоди, братишка, – вскинулся Емельянов-младший. – Я же нанимался охранять купца! Вот и плата золотишком. Еще минимум день.

– Хочешь остаться?

– Ну, не по-человечески как-то... С другой стороны, раз туда нельзя, то и плату не вернешь...

Неслук откашлялся, обращая на себя внимание близнецов, и встрял:

– Кто вам сказал, что в Оптовище нельзя? Вы же туда не хотите. Значит, проклятье на вас не подействует.

Тут Иван решил, что летописец над ними просто издевается: сначала наплел странную историю, теперь пытается ловко прикрыть вранье про невозвращение.

За воротами близнецы и книжник попали в людской поток и чуть было не потеряли друг друга, а уж персиянцы вовсе канули. До вечера троица путешественников искала Торгаши-Керима и его обоз, и уже в сумерках дембелям Емельяновым и Неслуку повезло: они наткнулись на постоялый двор, где расположились их знакомцы.

Купец снял большую комнату, где и изволил отдыхать, сидя на дорогом ковре и вкушая обильный ужин. Абдур-ибн-Калым находился рядом. Охранникам и возницам богатым Торгаши отвел отдельную жилплощадь.

– Где же вы пропадали, жемчуга очей моих! – воскликнул грузный торговец, радуясь парням и книжнику, как родным. – Прошу к достархану! Здесь такой рынок! Если и существует купеческий рай, то он воистину носит славное имя Крупного Оптовщика.

– Я бы поспорил, – хмуро возразил летописец, пока братья нажились на еду. – Не Ирий сие есть, но Пекло!

От столь тяжких слов персиянец оторопел, и Неслук принялся сбивчиво излагать байку о Купердяе. Торгаши-Керим постепенно развеселился, а его помощник, наоборот, приуныл, хитрые глазки потухли, хоть по-прежнему цепкий взгляд и метался от книжника к хозяину и обратно.

– А ведь нам что-то такое говорили нынче, – произнес Абдур-ибн-Калым, когда летописец закончил пугать иноземцев. – И старуха, собиравшая милостыню, тянула меня за рукав и криком болезненным предостерегала, что...

Купец отмахнулся:

– Всякому людному месту присущи свои легенды, подчас вычурные до немилосердия. В прекраснейшем Хусейнобаде любят вспоминать страшное пророчество, согласно которому в час, когда будущий лютый падишах станет торговать черной кровью родной земли, со стороны заката прилетят бледные стервятники и повергнут несравненную Персиянию в руины.

Близнецы аж поперхнулись. Но довольный итогами дня Торгаши уже рассказывал, какие сделки удалось заключить и чем он займется наутро. Похоже, персиянец собирался зависнуть в Крупном Оптовище надолго. Зато его учетчик забеспокоился, стал теревить мочку уха, что-то шептать себе под нос, а потом и вовсе покинул застолье.

– А как же Мозгва? – спросил Иван.

– Стольный град стоял многие века, пару дней подождет, – рассмеялся купец. – А теперь давайте пустим свои ладьи по волнам сладкого сна.

Торгаши-Керим благостно растянулся на ковре, готовясь ко сну. Егор и Неслукх расположились на незанятых топчанах.

Иван засек, как из дома выскользнул помощник купца. «Куда намылился Обдур-Калым?» – озадачился парень.

– Я скоро, – шепнул он брату и вышел во двор.

Фигура учетчика в полосатом халате маячила в конце улицы. Густели сумерки, и Старшой чуть не потерял Абдур-ибн-Калыма. Видать, персиянец проникся бреднями летописца и замыслил побег.

Народ уже разошелся под крыши, повсюду играла музыка, в трактирах выступали желанные гости Крупного Оптовища – бродячие певцы. От них, по словам Неслуха, местные жители узнавали, что творится в Эрэфии, им заказывали тянущие душу печальные песни о доме...

Помощник Торгаши-Керима топал к воротам – это Иван понял почти сразу. Чем ближе персиянец к ним подходил, тем больше удивлялся Старшой. Сначала, метрах в ста от границ поселка-ярмарки, плешивый Абдур принялся отчаянно чихать, то и дело останавливаясь и прочищая нос. Потом немолодой учетчик стал спотыкаться. Он пару раз растянулся в пыли, долго простоял, отряхиваясь, затем снова двинулся к воротам. Иван видел, что каждый новый шаг дается персиянцу со все большим и большим трудом. Наконец Абдур-ибн-Калым будто бы натолкнулся на невидимую стену.

«Вот те здасьте, не брехал Неслукх», – подумал парень, наблюдая из-за ближайшего ангара, как учетчик молотит трясущимися руками воздух.

Отчаявшись, помощник купца поднял свалившийся мешок и поплелся обратно к хозяину. Тяжелая ноша пригнула сутулую фигурку к самой земле. Побег провалился.

– Верный слуга, ничего не скажешь, – пробормотал дембель, шагнув к воротам. – Дело за малым – проверить, выйдем ли мы с Егором.

Став свидетелем неудачи персиянца, Иван вдруг осознал, в какую западню угодили иноземные купцы. Холодный липкий пот залил спину. Кровь прилила к вискам, в ушах стучал молот пульса. Старшой с удивлением почувствовал сухость во рту, запаниковал: вдруг проявляется магия проклятия? Ощущение было таким, будто на дембеля смотрели миллионы глаз и каждый зритель желал, чтобы парень оступился или повернул назад.

Хотелось зажмуриться и побежать.

Лишь за воротами Иван смог расслабиться и перевести дух. Он не пленник!

Возвращался, весело насвистывая, но перед глазами все еще маячил призрак Обдур-Калыма, колотящего кулаками невидимую преграду.

«Кстати, о таком запирающем заклятии мне рассказывал Колобок! – вдруг вспомнилось Емельянову-старшему. – Может, для наших торгашей не все потеряно?»

* * *

За сотни верст от братьев Емельяновых, в Легендограде, где княжила Василиса Продвинутая, шел привычный дождь. Такова судьба этого города – семь погод на dniu, не угадаешь ни одну.

С тех пор как близнецы-дембеля покинули Легендоград, здесь почти ничего не изменилось. Княгиня вернулась из похода и плотно занялась делами государства. Легендарный сыщик Радогаст Федорин ловил преступников, а его начальник Еруслан следил за тем, чтобы не мучили волшебники. Народ жил как жил. Гранитные дома, идолы и мосты стояли неру-

шимо. Медный всадник Путята все так же простирал десницу к морю, называемому Раздолбалтикой.

В подвале княжьего дворца, в темном углу, раздавалось невнятное бормотание и натужное кряхтение. На балке под самым потолком висел странный куль, проткнутый кинжалом и обмотанный многослойной паутиной. Куль шевелился: то бился, то замирал и медленно продавливал сетку, но отступал. Тогда в глухом сыром помещении раздавалось хныканье.

– Жаговоренный ношык... Я шэ шнал это шакляшье, – мучительно шептало существо и снова принималось елозить.

Усилия были тщетны.

Минуты складывались в часы, часы – в дни и ночи, а пленник темного подвала не ведал, сколько времени прошло с тех пор, как злоумышленник, прикидывавшийся слепцом, вонзил в рот бедняги кинжал и заключил нанизанное на клинок существо в липкие прочные путы. Иногда оно начинало ныть, звать на помощь:

– Лю-у-уди!.. Ыван!.. Ыгоый!..

Увы, Иван с Егором давно путешествовали вдаль от Легендограда, а местные стражнички-работнички не посещали подвал. На жалобные зовы отвечали лишь крысы да мыши – попискивали тонко-тонко. И вовсе не из сострадания. С голоду.

«Этак я с ума сойду, – размышлял пленник. – Разрушительных заклятий я не ведаю... Не хотелось перегружаться, а придется».

Он долго не решался пойти на странную «перезагрузку», страшился. И все же созрел.

– Шабаш! – раздалась волшебная формула, и пыльный мешок разом обмяк.

Послышалось продолжительное шуршание – сквозь маленькие зазоры между паутинками посыпалась мельчайшая крупа наподобие манной. Она падала на каменный пол, образуя неровную кучку.

Во тьме зацокали крысиные коготки. Пасюков привлёк звук. Крысы нюхали порошок, отфыркивались, но не ели. Одна все же лизнула, замотала головой, расчихалась. Грызуны решили, что здесь, в дворцовых лабиринтах, можно найти и более вкусные вещи.

Но вот из паутины выпала последняя крупинка, и кучка шевельнулась, начала будто бы плавиться, хотя жара не было. Пасюки, отлично видевшие в темноте, отпрянули: получившаяся масса стала менять форму и наконец стала шаровидной.

Раздался тихий сдвоенный щелчок – открылись глазки, с чавкающим всплеском отверзся ротик. Из бочков полезли ручки-ножки.

– М-м-ых! Я от бабушки... Ух! Ушел... Хр-р-р... И от дедушки... Ой!

Перед крысами предстал Колобок – магический Хлеборобот, освободившийся из плена благодаря маннотехнологиям. Два красных уголька-глаза горели, ощупывая окрестности.

– Пшли вон! – звонко крикнул пасюкам волшебный хлебец.

Крысам окончательно изменила их природная наглость, и они разбежались в разные стороны.

– То-то же, – буркнул Колобок. – От вас-то я и подавно уйду. И вообще, я несъедобный.

Он от души почмокал, наслаждаясь тем, что в пустом ротике нет привкуса булатной стали. Побрел к выходу, шепча:

– Найду Ивана да Егория, изведу! Подло и нагло! Обманом умерщвлю, наветом очерню! Друга сердечного не освободили, предатели!

И то верно, закрутившись в водовороте страшных легендоградских событий, близнецы совсем забыли о Колобке. Потом решили, что он ушел. Такова его природа – ото всех уходить...

Когда Хлеборобот выбрался на свет, алые глазки погасли и стали нормальными. Если, конечно, допустить, что у разумного каравая бывают нормальные глазки.

Щеки большого, с футбольный мяч, Колобка зарумянились, настроение улучшилось.

– Не-ет, – протянул хлебец. – Отыщу Ваньку с Егоркой, плюну в их бесстыжие очи – и пусть живут, сволочи вероломные.

Глава третья, в коей благородство граничит с опрометчивостью, а со степей веет отнюдь не медом

*Тюрьма есть ремесло окаянное, а посему работать здесь
должны люди твердые, добрые и веселые.*

Петр I

– Ну, хорошо, застряли персиянцы по самые помидорцы, – сказал Иван, шурясь на утреннее солнце. Он держал за грудки пухлого ото сна Неслуха-летописца, топчась на крыльце постоянного дома, а во дворе уже сустились люди, готовящиеся к торгам. – Но что ж ты, скунс архивный, сразу не сказал, что это не байка?

– Так я сразу... «Остановите, а то поздно будет»... – пролопотал книжник.

Старшой все еще находился под впечатлением прошедшей ночи. Он так и не добрел до постоянного двора. По пути он столкнулся с мужиком, чье смуглое лицо несло печать нечеловеческой муки и вселенской тоски. А от самого мужика несло суррогатным спиртным.

– Держи меня семеро! Ик! Пьяный я, ноги не держат...

– Пить меньше надо, – неоригинально буркнул дембель.

– Что у трезвого на уме, то у пьяного в животе, – изрек страдалец и повалился наземь. Храпеть он начал еще в полете.

Емельянов-старший завернул в кабак и стал невольным свидетелем тяжелейшего горя: все как один посетители адски кручинились и даже рыдали, стуча кружками да кулаками по столам. Кое-кто рвал волосы на буйной голове, иные подавленно ревели песни о доме и брошенных семьях...

Так Иван узнал, что каждый вечер почти все обитатели Крупного Оптовища ввергаются в страшнейшую депрессию или хотя бы в легкий сплин ностальгического толка. Правда, малое число узников этой глобальной тюрьмы-ярмарки отнюдь не горевало, а то и наоборот – радовалось. Позже Неслук пояснил Старшому: дескать, не печалятся новенькие, особо веселые нравом и слабые умом.

Сейчас же летописец мотал куцей головенкой и стучал зубами, жилистые руки прижимали к впалой груди торбу со свитками, пером и чернильницей. Дембель выпустил жертву из рук, смущенно проговорил:

– Извини. Наелся скорби.

– Ладно, я с понятием, – тихо ответил книжник. – Лишь бы наш купец не сбрендил, когда ему истина откроется...

Торгаши-Керим как раз вышел на крыльцо. Толстяк был полон сил – он готовился поторговать так, чтобы весь базар всколыхнулся: «Ай да персиянский гость!» Следом плелся походкой каторжника Абдур-ибн-Калым. Красные печальные глазенки свидетельствовали, что уж он-то все отлично осознал. Купец дождался Егора и двинулся в его компании со двора, а учетчик подошел к летописцу и Ивану.

Неслук сказал, не дожидаясь вопроса:

– Не сбежать. Не улететь. Выход только на погост. Я же предупреждал.

Помощник Торгаши-Керима всхлипнул и поспешил за хозяином.

Старшой стукнул кулаком по дубовым перилам:

– Что за кривой мир? Как тут что и откуда?!

– Будто твой лучше, – едко заметил книжник и очень даже угадал.

Но парень его не услышал, занятый анализом положения:

– Егор, упертый бык, будет охранять этих перцев весь день. Потом до него дойдет, что они тут застряли. Придется уламывать его, а то ведь захочет помочь... А выхода нет, да?

– Нет, – замотал головой Неслух. – Летописи утверждают, что отсюда никто не сбегал.

– Раз – и в Алькатрас, – выдал Емельянов-старший.

– Остерегись, не реки так! Слово сие обидное зело. Алкотрасами в далеких землях величают немужественных пьяниц.

Иван почти привык к местным языковым коллизиям, его беспокоило другое:

– Слушай, а откуда здесь берется товар? Куда он девается? Почему это местечко еще не лопнуло от денег? Как им всем не надоело толкать одни и те же шмотки друг другу?

– Замечательный вопрос, отроче! – обрадовался Неслух. – Давай переместимся в трапезную, присовокупим приятственность знаний к пользе съедобной.

За завтраком книжник развернул перед Старшим картину здешнего устройства.

Жизнь купца, как и любой живой твари, подчинена законам природы. Незнание законов природы никого не избавляет от ответственности. Ответственность за базар, то есть торговлю, особенно тяжкая штука. Это вам не в бирюльки играть.

Легендарный Купердяй свято чтит законы, изложенные в черной книге Спекулянда Заморского. Заветная «Как стяжать богатство, ни куя, ни пахаючи» открыла купцу глаза. Обратившись в веру денежную, Купердяй стал поклоняться Идеальной Модели, жить, как Кривая Спроса вывезет, объяснять повышение цен проказами злокозненной кикиморы Инфляции.

Потому-то разгневанный Кощей и проклял купчину по всей строгости рыночной премудрости:

– Да будет в твоей модели «деньги – товар – деньги-с-черточкой» вечное равновесие! Да будешь ты хозяйствовать при Прочих Равных Условиях! Да застынешь ты в точке пересечения Спроса и Предложения!..

Много всяких оскорбительных слов произнес Кощей. Крыл он Купердяя по маркетингу, склонял к лизингу да мерчандайзингу, а под занавес обозвал сволочью волатильной, коей надо секвестировать сбытовой дивизион.

И стало в Крупном Оптовище точно так, как заклил бессмертный старец. Каждый наживал несметное богатство, потом мог в одночасье разориться до грошика, затем снова поднимался, но общая сумма благ оставалась равной. На каждую безделицу находилась покупатель. Ветхие товары сменялись новыми, ведь и Торгаши-Керим завез два воза всякой всячины... А кое-кто приноровился по вечерам оставлять у ворот снедь да кое-какой товарец. Утром таких снабженцев ждали мешочки с деньгами. Местные сидельцы использовали для приемки длинные багры, а мешочки отлично летают.

Этот своеобразный бермудский треугольник похищал у семей кормильцев – отцов, братьев, мужей, и осиротевшие семьи тщетно пытались вернуть купцов домой. Ни один нанятый колдун не превозмог Кощеева проклятья даже после того, как сам бессмертный ведун слег из-за истории с иглой.

– Вот она, подлинная власть... – протянул Иван.

Сытый книжник стал размышлять вслух:

– Откуда власть? Я разумею, от слова «волос». Чья шапка волосатее, то бишь у кого пушнина богаче, да чья бородища гуще – у того и власть. Вон, хотя бы бояр вспомни... Но это понятие человеческое. А есть и высшее владение. Владелец – это тот, у кого все в лад, все по Прави великой.

Пока Старшой набирался мудрости у летописца, Торгаши-Керим, Абдур-ибн-Калым и Егор попали в не очень приятную историю.

Как и любой купец, Торгаши попробовал смухлевать. Ему приглянулась сбруя на коня.

– Вот подарок сыну! – воскликнул толстый персиянец, и его помощник тоже зацокал языком.

Хотя Емельянов-младший не разбирался в упряжи, но и он понял: сбруя действительно справная. Крепкая кожа, украшенная стальными, отполированными до зеркала, пластинами, добротное седло, позолоченные кольца – в общем, мечта джигита. И отличная плетка в придачу.

Человек, продававший упряжь, оказался откровенно слабоумным товарищем. Мужичок не особо молодой, весь какой-то всклокоченный, щуплый, словно недокормленный подросток, в глазах – полнейшее умиление и неестественный задор. Кожура подсолнечная на лоб прилипла, рубаха дырявая да в пятнах... Босяк юродивый.

Опытный Торгаши мгновенно оценил продавца.

– Сколько хочешь?

– А сколь не жаль? – Мужичок вроде бы и прищурился хитро, но в затылке пятерней поскреб, выдавая собственную дураковатость.

Купец погладил пузо.

– Вещь хорошая, работа старательная. На первый взгляд, не жаль и золотого. Только сам понимаешь: конь-то в скорости потеряет!

– Как так? – открыл рот продавец.

– Обыкновенно. Пластины стальные, знать, тяжелые. Передняя лука у седла вверх молодцевато загнута, затейливо, конечно, но встречный ветер будет замедлять ход. Плеть – просто загляденье. Сам посуди: станет ли рачительный хозяин усердствовать такой прекрасной плеткой? Побережет. Отовсюду коню поблажки да отягощения.

– Ох, и верно... – Дурачок даже расстроился. – Не можно такой товар за серебряный продавать.

– Мудро рассуждаешь, – вступил Абдур-ибн-Калым. – Добавлю смиренно, что кожа свежая, сохнуть станет, тесно будет коню. Болеть начнет... Медного хватит?

– Ой, да берите так! – отчаянно воскликнул мужичишка.

Купец почесал нос, а потом все же выудил из-за пояса медяк:

– Возьми, добрый человек. Мы бесплатно не покупаем. – И добавил тихо помощнику: – Некрасиво как-то...

– У нас говорят: некрасиво без одежды по базару ходить, – процедил Абдур, сгребая упряжь.

Все это время Егор сохранял молчание, хотя язык чесался одернуть обманщиков.

Стоило товару перекочевать в руки нахальных персиянцев, и будто из-под земли выросли двое здоровяков. Вот эти точно были двойняшками – одинаковые до последней черточки лица, до мельчайшей складочки одежды. Простая рубаха с расшитым отворотом, темные штаны, лапти, в могучей правой руке – дубина. Дубины, кстати, тоже выглядели, словно клонированные.

– Не по совести! Нарушение правила нумер один! – гаркнули здоровяки дуэтом.

– А вы кто такие? – прищурился учетчик-персиянец.

– Два молодца, одинаковые хоть с начала, хоть с конца! А ныне стража ярмарки, – отрекомендовались они. – Приставлены бороться с кривдою в сделках. Верните товар.

Абдур-ибн-Калым потянул Егора за рукав:

– Будь любезен, огради нас от нападков этих громил!

Ефрейтор засомневался:

– Я подряжался от разбойников вас охранять, а это типа милиция.

– Правильно, парняга, – не без насмешки одобрил левый молодец. – Отойди подальше, сейчас здесь будет восстанавливаться справедливость.

– Подождите-ка, любезные. – Торгаши-Керим вскинул руки, демонстрируя ладони. – Мы не хотим драки. Сделка честная, продавец доволен.

Юродивый мужичок и правда излучал волны сумасшедшей радости. Большая монета красовалась на грязной ладошке, словно грязное солнышко.

Один детина подступил к дурачку, забрал денежку.

– Нечестная сделка!

Продавец, словно ребенок, мгновенно суксился и заревел.

– Ну вот, обидели юродивого, отняли копеечку, – хмуро прокомментировал Егор, не подозревая, что цитирует классику.

Дембелю не нравились ни торговые методы персиянцев, ни поведение местных «милиционеров». Он принял решение:

– Ну-ка, отдай мужику деньги! – рявкнул Емельянов-младший.

Приказ прозвучал так весомо, что и детина протянул монетку юродивому, и Торгаши полез за пояс за золотым. Тут молодцы опомнились, развернулись к Егору.

– Препятствие наведению порядка! Правило номер два, – слаженно обвинили они парня и разом подняли дубины.

«Репетировали, наверное», – подумал ефрейтор Емеля, а тело уже начало двигаться. Егор сместился вправо, чтобы уйти от прямой атаки и отгородиться от одного молодца другим. Нападение скомкалось, но ближайший бугай все же сумел развернуть корпус и довольно метко опустить дубину на голову дембеля.

Егор заблокировал удар, отчего крепкая и с виду свежая дубина переломилась. Дембель пробил правым кулаком в бок «милиционера». Молодец вякнул, хрустнули ребра.

Второй как раз обогнул соратника и широко рубанул дубиной, целя примерно в плечо ефрейтора. Тот мгновенно схватил только что ударенного бугая за шею и притянул к себе. Дубина угодила в спину «щиту». Сначала ребра, теперь хребет... Ноги молодца подкосились, и он сполз по Егору наземь.

Оставшийся «милиционер» растерялся. Во-первых, охранник бесчестных купцов слишком быстро двигался и демонстрировал стальную неуязвимость. Во-вторых, бугай пусть и случайно, но ударил напарника! Сам.

Персиянцы, окрестные торговцы и случайные свидетели застыли, ожидая развязки противостояния власти и силы.

– Либо отдай сбрую, либо плати хозяину золотой, – пробурчал Егор пухлому персиянцу.

Торгаши-Керим кивнул и достал желтую монету. Тут уж дурачок вовсе просиял от счастья.

– Восстановлена справедливость? – обратился дембель к молодцам. – Претензии есть?

– Нету, – с готовностью ответил стоящий на ногах детина.

А лежащий продребезжал злобненько:

– Дубину сломал. Порча имущества, принадлежащего управе ярмарочной. Правило номер три.

Отметив про себя, что «милиционеры» впервые заговорили не в лад, Емельянов-младший повел указательным пальцем, мол, не раскатывайте губу, ребята.

– Лес вокруг. Еще наломаешь. А то за ушибленную руку спрошу. Спросить?

Детина замотал русой головой. В тот же миг оба стража порядка исчезли.

– Больно руке? – тихо поинтересовался Торгаши-Керим.

– Не-а. Вот камнем бы били, тогда бы поболела... Наверное.

Процессия двинулась дальше. Егор несколько раз, когда на миг смолкал рыночный гомон, слышал, как купец бормочет: «Ну, конечно, хитрость – вежливость купцов. Но попутал же нечистый убогого обмануть. Не узнаю тебя, Торгаши. А еще Честнейший...»

Остаток дня троица провела в честной торговле и степенном блуждании по поселку-ярмарке. Прогулялись и Старшой с Неслухом. К ужину все собрались на постоялом дворе.

– Ну что, купец, мы свое обещание выполнили, – сразу взял быка за рога Иван. – Завтра мы с Егором поедем дальше, а ты как хочешь.

Сработала предпринимательская хватка персиянца.

– Мы же договаривались до Мозгвы.

Егор вопросительно поглядел на брата.

– Не согласен, – отрубил Старшой. – Два дня. Мы шли попутчиками. Мы спешим.

– Но разве ваши дела не потерпят пару лишних дней? Я доплачу! – не сдавался Торгаши-Керим.

– Вчера ты говорил то же самое про пару дней, – хмуро заметил Абдур-ибн-Калым.

– Сила проклятья проявляет себя по-разному, – шепнул Ивану летописец, потеряв острый нос.

Купец тряхнул пухлыми щеками:

– Два, три, какая разница? Здесь мне сопутствует необычайная удача. Мы были с двумя возами, а нынче у меня уже четыре! Это место просто создано сделать меня богатым!

– Мы отсюда никогда не уедем! – взорвался помощник. – Ни через три дня, ни через неделю!

Абдур-ибн-Калым вскочил с ковра, принялся вышагивать по комнате. Чалма размоталась и волочилась за стариком белой широкой лентой. «Тоже мне невеста», – хмыкнул Емельянов-старший.

– Что случилось? – Егор захлопал глазами. Здоровяк чувствовал: творится неладное, но ничего не понимал.

– Неслух не сочинял про Оптищице, – сказал Иван.

Торгаши-Керим ждал от учетчика пояснений.

– Мой справедливейший хозяин, – заговорил Абдур, слегка успокоившись. – Я прибегну к красоте военного языка. Еще древние полководцы установили: сзади – это тыл, а то, что впереди нас, – это фронт. Так вот, сдается мне, мы в глубоком-глубоком тылу!

– Какой он все-таки утонченный человек, – восхитился учетчиком Неслух-летописец. – Я бы в их положении прибег к языку анатомии.

Персиянцы вдруг заговорили разом, да к тому же на своем языке. С каждой секундой градус полемики рос, и дембеля с книжником предпочли выйти на воздух.

Летописец живо выхватил из торбы свиток, расположил его на перилах и заскрипел пером. Старшой наконец-то объяснил Егору ситуацию.

Через четверть часа гортанные восточные крики стихли, оба персиянца молча покинули дом и направились к воротам Крупного Оптищица.

– Пушай самолично убедится, – одобрил книжник, не отрываясь от письма.

– Как мы их бросим? – спросил младший.

Иван рассердился:

– Ты им родственник, что ли? Или они тут по твоей вине оказались? Братан, ты лопушечком не прикидывайся. Доброта глупой быть не должна. Неслух их предостерегал? Они не слышали. Вопрос закрыт.

Емельянов-старший знал, что полностью прав, но неуверенность, конечно же, осталась – так работает совесть человеческая. Младший дембель и вовсе отказывался понимать брата. Ефрейтор не представлял, как можно бросить людей, с которыми подружились: «Не по-русски это! Да и денежек с них взяли немало... А персиянцы-то небось домой хотят... Прямо как мы с Ваней!»

Близнец поставил жирную точку:

– Вообще, Неслух дал четкую вводную, Егор. Отсюда только вперед ногами. Можешь прибить этих олухов и выноси куда хочешь.

Старшой любил черный юмор.

Торгаши-Керим вернулся на постоянный двор совершенно другим человеком. Он не стал унывать, наоборот, купец развил злую деятельность. Сначала он гонял возниц и охранников, потом отчитал Абдур-ибн-Калыма за пустячный просчет на последних торгах. Исчерпав поводы злиться на других, толстый персиянец предался самобичеванию:

– Будь проклят тот час, когда я захотел стать купцом! Будь проклят тот день, когда я научился считать динарии! Будь проклят тот год, когда сложились хорошие условия для накопления моего первого богатства! Джинн дернул меня ехать в Рассею!

Здесь Торгаши резко осекся, утер расшитым рукавом влажные щеки, шмыгнул мясистым носом.

Дембеля, летописец и учетчик ждали, в какую крайность ударится купец в следующий момент. Персиянец полностью справился с нервами и заговорил с невероятным спокойствием:

– Я обязан вырваться из этого варварского узилища. Семья ждет меня в Хусейнобаде, сын – в Легендограде, а богатые прибыли – повсеместно.

– Мы поможем! – заверил Егор, сжимая здоровенные кулачищи, потом смутился, оглянувшись на насупившегося брата. – Я. Я помогу. Обещаю.

Иван закатил глаза к потолку, мол, ну что за кретин. Торгаши-Керим шагнул к ефрейтору Емеле, протянул руку, сжал его могучее плечо:

– Спасибо, витязь! Я знал, что ты настоящий преемник древних воинов, о коих помнят в любой земле. Красота твоей души достойна отменной касыды, но я, увы, не поэт. Слово витязя – закон. Верю, ты не нарушишь обещания.

– Попали, – выдохнул Старшой.

– Друзья мои! – вклинился разумник-летописец. – Коварное проклятье молодецкой удалю не побороть. Потребно отыскать ведуна, равного по силе Кощею. А ты, торговый человек, жди и молись, чтобы Ивану да Егорию сопутствовала удача.

– Истинно так, – закивал Абдур-ибн-Калым.

Тучный персиянец отпустил Емелино плечо, прошелся по комнате. Вернулся, заговорил вполголоса:

– Вы благородные люди, и я открою вам секрет, дабы обратиться с просьбой. Не корысть гнала меня в Мозгву, а прямое повеление самого шаха. Кому, как не мне, поставщику всех сладостей в его диван, мог дать свое поручение благословенный Исмаил, да продлится его жизнь многократно! Стыд мне и позор. Я отклонился от цели и вот я посрамлен! Заклинаю вас, юные богатыри, и тебя, мудрейший, доставить князю Юрию два письма.

Купец подошел к сундуку, стоящему у изголовья его ложа, и достал оттуда драгоценный ларец, исполненный из слоновой кости. Погладив резную поверхность, Торгаши передал его Егору.

– Вручая сей важный груз в твои надежные руки, я мысленно вижу, как мозговский шах читает письма моего господина.

Церемонно отступив, персиянец подал знак помощнику. Абдур мгновенно извлек из широкого рукава тугой мешочек:

– Не покупаем вашу преданность этим золотом, но в знак дружбы покрываем ваши расходы.

Иван принял мзду, с удовольствием отметил немаленький вес.

– Завтра утром стартуем.

Не желая участвовать в разговорах, Старшой шепнул брату: «Не пообещай еще какой-нибудь глупости», прихватил радиоприемник и вышел.

Уже стемнело, и дневной шум умер, уступив место редким всхрапам лошадей, дверному скрипу и далеким песням о потерянном доме. Дембелю показалось, что где-то звучит знаменитый колымский плач:

Я знаю, меня ты не ждешь
И писем моих не читаешь.
Встречать ты меня не придешь,
А если придешь, не узнаешь...

Вслушавшись, Иван понял, что хотя песня очень похожа, но все же другая.

Возле харчевни Старшой облюбовал старую беседку. Она пустовала, и парень уселся на скамью. Прижал пальцы к клеммам приемника. Защелкало, затрещало, и радио порадовало дембеля развеселой рекламой:

– Магазин «Мастерок» – все инструменты для стройки. Сезонные скидки на бензопилу «Дружба», шуруповерт «Любовь» и отбойный молоток «Милосердие».

«Вот-то и вот, – согласился Иван. – Егорово милосердие хуже отбойного молотка».

Тем временем реклама сменилась бравурной музыкальной заставкой, и в тихое Крупное Оптовище ворвался звонкий девичий голос:

– Мы возвращаемся в студию передачи «Письмо кумиру» и продолжаем читать ваши весточки, дорогие радиослушатели. Следующее письмо прислал нам Анатолий. – Тут ведущая оставила бойкую манеру и стала читать напевно: – «Дорогой Морис Борисеев! Раньше я воровал, но, услышав твои песни, я буквально стал другим человеком! Теперь я убиваю. Спасибо тебе. Толян, ИТУ №666, Надым».

Иван усмехнулся, невольно разорвав контакт. Радио смолкло. И вовремя – из трапезной вывалился бородатый неухоженный мужик. Одежды были богатые, да грязные и мятые.

– И ты попался? – Бородач широко распахнул объятья, желая обнять Старшого, как брата по несчастью.

– Э-э! – Парень отодвинулся подальше от горемыки-купца и убрал с колен драгоценный «Альпинист». – Я-то завтра дальше поеду, а ты грабли убери.

Мужик опустил руки, сокрушенно покачал головой:

– Спятил от безысходности, да? – И, пошатываясь, ушел во тьму.

– Ходят тут, – буркнул Иван, возвращаясь к приемнику.

Хрюкнуло, засвистело, булькнуло пару раз. Сквозь шум прорезалось знакомое трио:

Как у матушки моей
Было восемь дочерей.
Ну, не виноватая я, да, девятая я,
Что я косая, кривоногая, горбатая я!..

– Ага, Борьку не включили, чтобы не толкать зека на новые убийства, – догадался Старшой.

Покрутил ручку, пытаясь поймать еще какую-нибудь волну, но, кроме шелеста, треска да электронных утробных завываний, ничего не наловил.

– Пора дрыхнуть, – постановил Иван.

Он выключил радио, вокруг сомкнулась тишина. Лишь чей-то плачущий голос вопил песню, перемежая ее всхлипами нечеловеческой тоски:

– Ой, ты степь широка-а-ая...

* * *

Когда о степи говорят мангало-тартары, то она непременно выходит «бескрайняя». И то верно – ни конца ей, ни начала. Есть островки гор, где пасутся стада (непременно тучные), есть вены рек (быстроструйных), есть озера (великие). Веками мечутся по степи тартары. Кто пастух, а кто и завоеватель.

И сказания-то у них все сплошь на тему «Не зевай, а то облапошат». То герой кого-нибудь обворует, то его ограбят – овец угонят, коня отберут, жену украдут, над самим посмеются. Суровая жизнь – суровые байки.

И люди вырастают в степи тоже суровее некуда.

Таким был и Тандыр-хан, повелитель всея мангало-тартар. Собрав разрозненные племена под свои знамена, одержав несколько крупных побед над соседями, хан превратил свой народ в идеальную армию. Мощь этой орды уже покорила северный Кидай, Тандыр-хана боялись западные соседи, тартары уже потрепали крайние княжества Эрэфии и обложили кого данью, а кого и словом крепким.

Знойным вечером Тандыр-хан сидел возле своего шатра, крытого белой кошмой. Маленький узкоглазый человечек, сжимающий в сильной руке лучшую армию мира, сейчас бережно держал пиалу с кумысом. Из-под меховой шапки торчали рыжие косички, голый по поясу хан всматривался в степь поверх походных шатров своего войска. За спиной господина всея Тартарии высились изумрудные предгорья Шалтай-Болтая. Там паслись боевые кони.

Напротив хана склонился в почтительном поклоне кидайский ученый, одетый в изящный халат и расшитую бисером шапочку.

«Как баба», – в который раз подумал Тандыр-хан и раздраженно тряхнул головой. Капли кумыса слетели с тонких усов и упали на ковер – замызганный трофей, взятый у племени автандилов.

Ученый был молод, не больше тридцати лет, хотя возраст кидайцев всегда определить трудно. Скуластое лицо, острый подбородок, оканчивающийся маленькой бородкой, умные, не по-кидайски широкие глаза.

– Что говорят шаманы? – скрипучим голосом спросил хан.

Кидаец чуть разогнулся, посмотрел в круглое лицо властелина, не останавливая взгляда на шраме, пересекшем лоб и левую щеку тартарина.

– Вечное Небо еще лечит раны, полученные от большого русского Шайтана, – ответил мудрец.

Хан усмехнулся:

– А мне оно не жалуется, Дон Жу Ан.

Наш европеец наверняка удивился бы, услышав имя кидайского ученого, но Дон означало на языке его народа «восток», Жу – «ученый», а Ан – «мир». Родители Дона Жу хотели видеть паренька восточным ученым с мировой известностью. И он не подкачал бы, если бы не мангало-тартары, взявшие его в плен, когда он выходил из Высшего Училища Четырех Стихий. Многознатец увлеченно читал трактат «Тысяча один способ прервать порочную любовную связь с красавицей ради того, чтобы вернуться к науке» и проворонил нападение орды.

Тандыр-хан ценил ученость, вот и сейчас он ждал от мудрого слуги совета. Дон Жу Ан выказал осторожность, догадываясь, куда клонит хозяин:

– Воистину Вечное Небо могло бы пожаловаться лишь равному по силам повелителю всех тартар. Но природа Неба крепка, оно умеет терпеть.

– Все-то у тебя сводится к терпению, – проворчал хан. – Кони сыты, овцы целы, батыры алчут боя и добычи. А мы сидим, словно скромные некрасивые женщины, которых никто не сватает!

Дон Жу мысленно отметил, что вождь мангало-тартар заметно поднабрался у него красноречия. Глядишь, и уймется жаркое сердце завоевателя. Кидаец питал слабую надежду, что когда-нибудь убедит Тандыр-хана убрать саблю в ножны и заняться мирным обустройством огромных владений.

– О великий! – Дон Жу церемонно поклонился. – Твой смиренный слуга усматривает в варварской стране Эрэфии большую слабость, ведь победа над войском Шайтана далась рассеянам тяжело. Потери их велики. К тому же князья слабы, как никогда. Покоренные тобой не возвышают голоса и не участвуют в битве с Шайтаном. А в дерзком Легендограде люди поставили над собой девчонку. Мозговский князь всего боится. Торчок-на-Дыму совсем истощен. Ты хочешь захватить Торчок Тридевяцкий?

Хан скривился:

– Пока Торчок под защитой дервиша из дервишей, не черпать мне шлемом воду из их реки!

Китайский ученый не разделял страхов властелина. Дервишем из дервишей Тандыр называл Карачуна. Судя по всему, тридевяцкий колдун был действительно силен, однако Дон Жу полагал, что хитростью и наукой можно одолеть любого волшебника. Впрочем, кидайца устраивала боязнь хана. Лишний раз не пойдет на смертоубийства. Утонченный многознатец не любил насилия, ведь оно – разрушитель гармонии мировых созвучий.

– Зато обойти Тридевяцкое княжество и через Тянитолкаев дотянуться до Легендограда я способен, – закончил рассуждения лукавый властитель мангало-тартар.

Он порывисто вскочил на ноги и откинул полог шатра.

– Передай всем, я стану молиться и спрашивать Вечное Небо о грядущем походе.

Хан скрылся из виду, а кидаец хмуро покачал головой и отправился к юртам воинов. Сейчас Дон Жу не сомневался, что духи подскажут Тандыру идти в набег. Ранняя осень прошла в маленькой победоносной войне против гордых баурсаков – западных степняков-скотоводов. Теперь, когда подвластные хану роды откочевали в горы да к лесам, чтобы спастись от суровых степных выюг и морозов, наступала пора спокойствия.

Должна была бы наступить. Но ход времен исказился, зимы не будет.

Значит, впереди новое долгое лето после нечаянной весны, а потом – жестокая морозная зима. В трактатах древних китайский мудрец встречал многочисленные свидетельства того, что сразу после теплого года следует холодный. Если же в установленный Небом закон вмешиваются могущественные силы, последствия бывают стократ опаснее.

Дон Жу Ан неторопливо шагал вниз по пологому склону, скользя отсутствующим взглядом по обширному ханскому куреню. Две сотни юрт. Из каждой поднимался сизый дым, там и тут бегали дети, трудились женщины и харачу – рабы-батраки, захваченные в набегах. Мужчины собирались у вечерних костров, беседовали, смеялись... Да, племенам, вставшим под знамена Тандыр-хана, жаловаться было не на что. Но через год наступит голод. Об этом знает ученый, знают и шаманы. Вождь тоже большой разумник.

Походу быть.

Остановившись у костра, у которого отдыхали темники³, китайский мудрец поприветствовал их и передал ханскую волю.

³ Темник – командир тумена. Тумен – высшая тактическая единица степного войска, насчитывающая десять тысяч воинов.

Водители тандырских полчищ оживились, большинство обрадовалось, и лишь несколько темников не разделили общего ликования. У Дон Жу затеплилась надежда: вдруг разумники переубедят остальных? Но кидает вновь ошибся.

– Подождите кричать, как дети! – осадил товарищей старый соратник хана Консер-батор. – Следуйте обычаям предков. Вот скажут свое слово духи, тогда порадуемся.

В этот миг Дон Жу Ан возненавидел высокого сухопарого темника, чьи жилистые руки запросто могли бы оторвать умную головенку мудреца, и скуластое, иссеченное ветрами лицо Консер-батора даже не поморщилось бы.

Значит, войско хочет войны. Одно к одному.

«Ты несчастный человек, Дон Жу, – подумалось кидайцу. – Исповедуя мир, ты живешь на острие самого кровожадного копья этого мира. Способен ли ты сохранять верность пути неделанья или настала пора менять внутреннюю эпоху твоего духа?»

Глава четвертая, в коей перед близнецами предстает стольный град Мозгва, а за ним – еще большие проблемы

*В Москве хлеба не молотят, а больше нашего едят.
Русская пословица*

Комар приходит в этот мир ненадолго. Жизнь его опасна, ибо подчинена кровавой страсти.

Егор хлопнул себя по потному лбу и тем самым остановил сердце еще одного насекомого.

– Отрыв башки – октябрь, а комаров пропасть, – сказал он, обмахивая шею своей кобылки-тяжеловоза.

– Карачун предупреждал, что зимы не будет, – откликнулся Неслукх-летописец, не отрываясь от рукописи. – Что вам комары? Мошки безвинные. Вот погодите, еще недовольные медведи начнут из-за растерянности лютовать.

Черные от чернил пальцы книжника ловко управлялись с пером и пергаментом. Ослик мелко топал и смиренно горбатился, стараясь не болтать шеей, на которой лежал «стол» Неслуха.

Близнецы представили лютующих медведей и убоились. Ефрейтор Емеля принялся оборачиваться на воз, катящийся следом. Торгаши-Керим не стал отряжать мозговскому князю две телеги, зато единственную нагрузил так, что она могла перевернуться на особо высоких кочках. Пара волов тащила купеческие подарки не без труда.

Старшой толкнул брата в бок:

– Чего ты все оборачиваешься?

– А вдруг опять эти клоуны в мешках... – ответил Егор.

– Ну, они со всех сторон повалят, – «успокоил» Иван, в глубине души убежденный, что разбойники больше к ним не сунутся, ведь Мозгва близко.

Слава прошлых битв бежала впереди близнецов, и встречные обозчики с уважением глядели на великана-Егора. Зато девицы, едущие с купчинами-отцами, больше глазели на статного красавца Старшого.

Братья, пользуясь занятостью неумолкающего Неслуха, разговорились. Они мысленно вернулись домой, в доармейский еще, беспечный период.

– Помнишь, в школе классная заставила меня пойти в кружок физики? – спросил Иван.

– Ну.

– Только не говори, что я не рассказывал, как после лабораторного опыта Николай Анатолич допытывался, что такое удельное сопротивление кожи человека.

– Не помню.

– Короче, лабораторка такая была – прикладываешь руки к электродам и пропускаешь ток.

– Двести двадцать вольт?

– Ага, три тысячи, блин, – саркастически ответил Старшой. – Конечно, маленький! Снимаешь показания с приборов, потом по формулам рассчитываешь сопротивление тела.

– Сурово.

– Нет, фигня, – отмахнулся Иван. – Так физик вопрос задал: что такое удельное сопротивление? Мы все как-то замешкались, а он добро так улыбнулся и сказал: «Сейчас объ-

ясню. Вот возьмем кубометр человеческой кожи...» А глаза, заметь, добрые-добрые! Маньяк реально.

– Ну, Анатолич вылитый маньяк, это не новость. – Взгляд Егора затуманился, парень вспоминал коротышку-физика, повернутого на своей дисциплине.

– Ты дальше слушай. Он предложил потом мысленно запихать это богатство в куб и пропускать через две противоположные стороны равномерный ток. Вот величина сопротивления и есть удельное значение.

– Отец нашего физика явно в концлагере на руководящей работе был, – схохмил Емельянов-младший.

– Тебе смешно. А ты представь, сколько людей надо было освежевать для науки!

– Наука требует жертв. Человеческих в том числе.

– Да ты нынче в ударе, – одобрил Старшой. – Вряд ли на одном человеке больше пяти литров кожи надето. В кубометре тысяча литров, так?

– Допустим.

– Итого 200 человек!

Егор с опаской посмотрел на близнеца:

– Ты, Вань, сам с этой физикой маньяком стал.

– Да ладно, шучу.

Вот такими беседами скрашивали Емельяновы дорогу.

Миновав пару зажиточных деревень, путешественники выехали на широкий тракт. Вскоре расступился лес и вдалеке замаячила Мозгва.

Стольный град стоял на семи холмах. Солнце освещало дома и подворья, алым всполохом вычерчивалась каменная крепость. Братья Емельяновы ожидали увидеть кремль и не ошиблись. Правда, здешний был попроще, чем привычный нам московский.

Кремль возвышался на самом главном холме, а остальные постройки облепляли его, словно грибы. Впрочем, город простирался далеко в стороны, и красностенная крепость уже не казалась главной. Несколько дерзких зданий подпирали крышами сизоватую дымку, висящую над столицей Мозговского княжества. На реке торчал какой-то странный гигантский идол.

– Это что, Перун какой-нибудь? – поинтересовался Иван.

– Нет, сие есть князь Путята, – степенно изрек Неслук.

Близнецы знали, кто такой Путята. Основатель Легендограда, где Емельяновы попали в адский детектив.

Летописец ударился в размышления:

– Я разумею, мозгвичи не смогли простить Путяте, что он, ихний князь, их покинул. Вот и отомстили через три века, поставив эту крокодилу богомерзкую.

– А небоскребы откуда? – спросил Егор.

– Чего-чего?

– Ну, дома высоченные, – пояснил Старшой.

– Дома-то? – Неслук почесал макушку. – Купчины да ростовщики сподобили. Бесятся с жиру, богатеи. Или вон еще Останковская башня. Построили ее из останков древнего ящура в знак крепости княжьей власти. И неча тут хихикать пошленько.

Иван мысленно сравнивал Мозгву с Легендоградом, и получалось, что последний был симпатичнее. Продуманнее, красивее. Мозгва напоминала яркое одеяло, сшитое из цветных лоскутов-райончиков. Купеческие да боярские хоромы соседствовали с лачужными островами, колоссальные здания – с трущобами. Да и сами богатые поселения, очевидно, строились по проекту «кто в лес, кто по дрова». Никакого единообразия. Старшому стало неуютно.

Егору, наоборот, понравилась пестрая Мозгва.

– А что это за район? – Ефрейтор указал на скопище одинаковых каменных домов, стоящих далеко от центра.

– Тутанхамовники, – промолвил летописец. – Поселение, отстроенное рабами – выходцами из далекого Ягипта. Там даже храм их бога есть. Тот-Да-Не-Тот зовут. Я, между прочим, со жрецом знаком. Имхотепом кличут. Чрезвычайной скромности разумник.

«Издевается что ли? – подумал Старшой. – ИМХО⁴ – это же из интернетовского жаргона».

– Окрест княжьего городища много всяких поселений, – не унимался Неслух. – Самое ближнее – Кидай-город, там хитрые кидайцы торговлю держат. Или вон Чертяково, сторона нечистая.

Близнецы слушали лекцию, летописец сыпал, как заправский экскурсовод, время летело мухой.

Перед княжьим городищем раскинулась площадь, мощенная черным булыжником. В центре высился помост. С него вещали глашатаи, зычноголосые парняги. Первый, коренастый, страдал законодательными новинками:

– Слушайте, мозгвичи, волю княжью! Юрий Близорукий велит всем коробейникам бросать разносное торгашество и строить себе нарочитые шатры, с коих и подати легче собрать, и виру спросить, коли покупателя обжулите! Для постройки шатра спрашивайте дозволения в княжеской канцелярии по наведению крыши на торговлю.

Второй глашатай, щуплый, но еще более громкий, подвизался в социальной рекламе:

– Мозгва – колыбель нашей культуры! Но отчего же в ней так грязно? А оттого, что ведем себя аки младенцы неразумные! Колыбель колыбелью, а гадь в нарочно отведенных местах!

Тут «социальщик» угодил не в бровь, а в глаз: запахи в Мозгве стояли весьма некуртуазные. Помои выливались на мостовые, тухлый товар валили под забор, за гужевыми животными никто не убирал. Ближе к кремлю, конечно, ситуация улучшалась.

Иван пихнул Егора в бок, ткнул пальцем под красную стену княжьего городища. Емельянов-младший остолбенел. Там был мавзолей!

Не такой, как в нашей Москве, но... Мраморная будка без окон и с единственной дверью, над которой начертано: «Кощей».

– Как же это? – выдохнул Старшой.

– Ага, давно лежит, лиходея бессмертный, – закивал Неслух-летописец. – Иглу сломали, тут он и испустил дух. Но вот ведь оказия, сам-то мертв, а тело его живет! Моют его, духами умащают, цирюльник особый при нем состоит. Ногти и патлы стрижет.

– Ждете, когда проснется? – усмехнулся Егор.

– Ну, не все. Некоторые. Их цельная ватага. Зовут себя кашенками. Блюдут верность заветам Кошеевым. А есть и кошуны. Эти, наоборот, про него кошунствуют.

Троица и повозка с дарами направились к воротам городища-кремля. Там стояли два меченосца в полном обмундировании: кольчуги на широких плечах, кожаные штаны с нашитыми на них пластинами-щитками, десницы на рукоятях мечей, в шуйцах – одинаковые щиты с княжьим гербом. На гербе был изображен конный воин, тычущий копьём в змия. Ниже красовался девиз: «Где твоя Регистрация?»

– Регистрация?! – ошалели близнецы.

– Потом объясню, – прошептал Неслух. – Сейчас надо почтительно побеседовать со стражей.

– Стой! – зычно приказал правый меченосец-охранник.

⁴ ИМХО – русскоязычная калька с английского IMHO (In my humble opinion – «по моему скромному мнению»). Вроде бы уже лишнее пояснение, только иногда в рунете нет-нет да кто-нибудь поинтересуется.

Процессия остановилась.

– Куда претесь, гости дорогие? – подал голос второй. – Валите отсюда, пожалуйста!

– Посланники шаха Исмаила персиянского прибыли ко двору князя мозговского Юрия, Близоруким прозванного, ибо близ руки его жизнь легка и счастлива. Отвалите, пожалуйста.

Егор и Иван недоумевали, что это за манера такая – хамить друг другу, но вежливо.

– Язык прикуси, милый посланник, – пробасил правый. – Ведь можно и в глаз получить, остерегись, ради всего святого. Есть ли у вас бумага с печатью шахской или вы оборзели и врете, как псы смердящие, будьте вы здоровы и многодетны?

Емельянов-младший открыл ларец и продемонстрировал два свитка с большими сургучными оттисками на тесемочках. Стража удовлетворилась, не утруждаясь рассматриванием печатей.

– Мухой шкандыбайте внутрь, добро пожаловать!

– Не задерживайте движения, помогай вам боги!

Хотя сзади никого не было, летописец попросил близнецов и погонщика вола поторопиться.

Когда ослик книжника поравнялся с охранниками, левый как бы украдкой спросил:

– Слышь, Неслук, а когда это ты заделался шахским послом, старый кочерыжник?

– Потом расскажу, вояка, для потехи торчащий, – пробубнил, не поворачивая высоко поднятой головы, летописец.

В кремле-городище было чисто и опрятно. Аккуратно стояли кружком идолы на специально отведенной площадке, терема смотрелись идеально. Почти как в Легендограде, только не из гранита, а из белого камня.

Но не внутреннее убранство княжьего посада вызывало сейчас подлинный интерес братьев Емельяновых.

– Как вы говорите-то тут! – воскликнул Иван.

– Тсс! – Неслук приложил чернильный палец к губам. – Не так громко. Дело в том, что у нас поветрие на так называемую «полукаретность». То есть, с одной стороны, хочется браниться, как ямщики, а с другой – надо объясняться, аки высокородные Закатные господа. Простой народ по недомыслию лихо добавляет к брани вежливые словечки, а начальство использует «полукаретность» на другом уровне. Дурака не нареки дураком, величай его человеком, коему подвластны иные способы миропознания. Прелюбодея именууй неутомимым искателем хворей веселых. И так далее. Хотя наш князь не утруждается исполнением принятых у подданных условностей, а при дворе лучше не околачиваться.

У входа в главный терем, на высоком крыльце послов поджидал абсолютно лысый коренастый мужчина в дорогом кафтане, роскошных широких штанах и высоких сафьяновых сапогах. Все красное, яркое, даже рожа встречающего.

– Сейчас ему на смену появится желтый, потом зеленый, и тогда можно будет войти, – сострил Иван.

– А ты откуда знаешь?! – поразился летописец.

– Э... Догадался.

– Какая нелегкая привела ваши драгоценные ноги в столь неожиданный час? – Лысый изо всех сил изображал дружелюбную улыбку, но у него выходил зловещий оскал.

– Послы великого шаха персиянского Исмаила, – без рюшей отрекомендовался Неслук.

– Слазьте с животных, пожалуйста. А то они тут все зас... застучат копытами, – процедил красный встречающий. – Ждите.

Он хлопнул в ладоши и скрылся за дверью. Из-за терема выбежали слуги. Они приняли у близнецов и книжника лошадей да ослика.

Минут через десять на крыльце нарисовался мужик в желтом. Этот был худым и долговязым, а цвет его кожи навевал неприятные ассоциации с гепатитом.

– Не стоим истуканами, гости долгожданные, поднимаемся сюда, – изрек он противным фальцетом. – Князь изволит принять вас незамедлительно. Ждите.

Желтый смылся, оставив послов куковать на крыльце.

Егор переложил резной ларец из левой руки в правую и застыл, как выключенный робот-разрушитель. Неслух смиренно стоял, перекатываясь с носка на пятку и обратно. Темпераментный Иван принялся прохаживаться по мозаичной площадке.

Спустя четверть часа дверь распахнулась и на пороге появился распорядитель в зеленом. Вопреки ожиданиям, лицо его было нормального розового цвета. Да и сам он выглядел обыкновенно, правда, держался как человек, знающий себе цену. Манера видна сразу.

– Здравствуйте, уважаемые, нечаянно нагрянувшие послы, – дикторским голосом обратился к визитерам зеленый. – Прошу следовать за мной и посрамлять громкость.

– Че? – выдохнул Егор.

– Заткнись, – то ли пояснил, то ли велел Иван.

Они проследовали за распорядителем в княжьи палаты. Здесь было богато, а то и роскошно. Только слишком уж эклектично: персиянские ковры соседствовали с костяными поделками с Черного континента, кидайский фарфор перемежался медной посудой закатных стран, стены были увешаны оружием и прочим доспехом совершенно разных стилей и народов. Если у князя была телепередача «Поле чудес», то ее музей выглядел бы именно так.

В большом зале, где позолота носила характер чрезмерной, а драгоценные ткани были навалены в чрезвычайном беспорядке, возвышался трон Юрия. Сам князь сидел на алой подушке, а рядом с ним стояли суровый воевода и мудрый советник. Причем оба были широки в плечах, статны, хоть и седы. Князь Близорукий прищурился, отчего его круглое лицо сделалось монгольским, поправил на голове приплюснутую соболью шапку, расправил широкие рукава дорожущего кафтана, расшитого жемчугами, и приготовился слушать.

– Исполать тебе, великий княже, – поклонился Неслух. – Ныне принужден обстоятельствами говорить не как твой верный слуга, а как сопроводитель послов иноземных.

– А то, что имело место в Торчке-на-Дыму, ты видел или в Персиянии испытывал прохладу вод и сладость плодово-овощную? – проговорил Юрий слегка в нос.

– Свидетельствовал событиям страшным и жизнь нашу на долгий срок предопределяющим. Видел подвиг сих двух витязей, оборонивших землю расейскую от черного зла. Слы...

– Погоди, Неслух, рассказывать, что ты там слышал, – скалambuрил князь. – Если это персиянские послы, то не выходит ли, что Эрэфия спасена исключительно их стараниями? Нешто в нашей земле не осталось богатырей?

– Так они наши, наши, князь-надежа! – горячо затараторил книжник. – Рассеяне.

– И обратно погоди, летописец. – Близорукий нахмурился, поднялся с трона.

Перед близнецами предстал невысокий полный человек с трепещущими ноздрями, который то сжимал, то разжимал кулаки. Губы князя шевелились, и Иван решил, что он считает, чтобы успокоиться.

– Я тя в письмоблюды разжалую, – тихо пообещал Юрий Неслуху, садясь. – Толкуй внятно, не запутывай концов.

– Не вели казнить, вели разъяснение преподнести, – начал книжник и обстоятельно поведал о братьях Емельяновых, о нападении мешочников на купца Торгаши-Керима да о Крупном Оптище.

Князь помолчал, теребя себя за мочку правого уха, затем изрек:

– Эти коты в мешках совсем оборзели. Тут от нечисти некуда деваться, так и люди туды ж, лиходействуют бессовестно, – и обернулся на воеводу.

– Ищем, княже. Разбойники, известные как холщовые коты, будут схвачены, казнены и наказаны, – заверил ратник.

– Что он мелет? – теперь Юрий апеллировал к мудрецу.

Седовласый советник негромко, но внушительно сказал:

– Человеку меча свойственна недостаточная гибкость языка, великий князь. Главное здесь тщание и рвение, кои присущи нашей дружине, они заменяют ей сообразительность и утонченность. Впрочем, я бы сделал так...

– Ладно, позже, – отмахнулся Близорукий. – Подарки привезли?

– Целый воз, – коротко ответил Иван.

– Куда ж я их... – Юрий стал беспомощно озираться, будто присматривал место для даров прямо здесь, в тронном зале. – Ладно, в хлеву постоят. Грамоты гоните.

Егор передал князю ларец. Юрий взломал печати, развернул один из пергаментов. Зашевелил губами, чуть ли не потая от натуги интеллекта. Затем сдался:

– Эй, Гриня! Гришка!

В зал вошел зеленый распорядитель.

– Что ты плывешь, аки ладь? – раздраженно сказал князь. – Шибче. Огласи!

Зеленый взял пергамент и громко зачитал:

– Ассалям аллейкум, падишахши Джурусс Тут-рука-паша! Калям-халям джамиляй касым илрахман...

– Тпру! – оборвал князь. – Так и я могу. А по-нашенски?

Распорядитель взял из рук повелителя Мозгвы второй пергамент, откашлялся и снова принялся декламировать фирменным дикторским голосом:

– Здравствовать тебе, князь Юрий Близорукий! Пишет тебе любящий брат по власти и владыка всех персиян Исмаил из солнечного Хусейнобада, да продлятся мои годы не меньше, чем твои, а твои пусть будут нескончаемы, как волосы моей самой пышноволосой наложницы Зухры, чья джасмыгюль велика и упруга, как боевой барабан кочевника, а люляки пленительны и округлы, будто дыни. Желаю тебе таких же наложниц с прекрасными джасмыгюлями и люляками.

Здесь все несколько озадачились, а воевода позволил себе короткое ржание, присущее военным всех времен и народов. Зеленый продолжил:

– Вождь проклятого латунского ордена, этот ядовитый змей, жалящий сердце твое и терзающий мое, пограл все границы приличного и ступил на скользкую дорогу беспринципности. О, мне известны притязания латунцев, да покарает их небо, на твои земли и на земли твоих соседей. Досаждали они и нам, мирным персиянцам. Но их закованные в броню шакалы были прогнаны из моего шахства, словно поганые шелудивые псы хозяйской метлой народного негодования. И предводитель их ордена, Терминарий, да станет его имя обозначением бездушного истукана и лютого убийцы, прислал вестников мира. Широта моей души неохватна, как неохватна джасмыгюль моей Зухры. Я поверил коварному дэву⁵ в людском обличии. Среди даров оказался адский предмет, зачаровавший моего младшего сына Бара-Аббаса... Но у меня есть и старший – Кара-Аббас! А у тебя есть дочь его лет – несравненная Рогнеда. Пусть мой посол будет сватом. У вас товар, а у нас купец.

– Не доехал ваш купец, заторговался, – едко прокомментировал князь. – Читай-читай.

– Семейный союз да заложит и военное сорабничество! Объединенным светлым воинством задушим коварного западного змия! Равный равному, брат брату, отец отцу, искренне твой, Исмаил. Жду ответа, как соловей лета.

Юрий хлопнул себя по коленям, с шумом выдохнул:

– Ну, парняги! Ну, привезли неприятностей на мою эту... джасмыгюль! Нет, Рогнеду-то выдать можно...

– Что?! – раздался звонкий девичий голос. – Меня за какого-то Карабаса?!

⁵ Дэв – злой дух.

Из-под груды отрезов выскочила девушка. Близнецы загляделись. Густые бровки изогнулись в две почти мефистофельские галочки. Зеленые глаза чуть ли не светились от гнева. Милый носик морщился, рот был полуоткрыт («Губки-то какие», – мелькнула мысль у Егора), щеки румянились. Фигурка была просто блеск.

– Доколе дела государственные подслушивать будешь, девка? – грозно спросил князь-отец и ударил кулаком по резному подлокотнику трона.

– Подслушивать? Да куда не разрешишь слушать, – парировала бойкая Рогнеда.

Она тряхнула головой, и за спиной промелькнула толстая каштановая косища длиной пониже пояса. Старшой, которому, как и брату, понравились идеальные «джасмыгюль» и «люляки» княжны, обтянутые изящным сарафаном, буквально растаял от косы. Была у него тайная страсть к длинноволосым девицам. В наше-то время они все норовят постричься короче парней.

– Пред тобою два великих воина, а ты про какого-то Ослоила из Музейнограда и его сынков басурманских! – развила успех непокорная дочь. – Ребята, миленькие, ужель вы самого Злебога видели?

– самого нет, княжна, – улынулся Иван. – А вот его полчища – сколько угодно. Правда, братан?

– А?.. Да... Да-да, – закивал буйной головой широкоплечий Егор.

Тем временем Юрий обратился к воеводе и советнику:

– Вы видали, други, какова гусыня? Отца родного ни во что не ставит!

– Осмелюсь напомнить, княженке Рогнедушке семнадцать весен, – тихо проговорил советник. – Я неоднократно предлагал тебе усадить ее по правую руку. Пусть набирается опыта напрямую, а не через пыльные тряпки. – И добавил еще тише: – Посидит, мигом заскучает, сама сбежит.

– Смута в родном доме, – всплеснул руками князь. – Эй, нерадивая! Быть посему, причем с завтра. А сейчас изыди.

Девушка задрала носик и удалилась, подарив близнецам на прощание долгий заинтересованный взгляд.

– И вы тоже ступайте. – Юрий Близорукий махнул Емельяновым и Неслуху. – Вечером за пиром ужиным дотолкуем.

– Нам бы... – заикнулся было Иван о деле, на которое их послал Карачун, только князь издал то ли рычащий, то ли хрипящий звук, дескать, нишкните, а то рассержусь.

Послы зашагали к выходу из зала, им в спину прилетела тихая реплика Юрия:

– Думал, персиянцы прибыли, а тут вот как... Неловко. А котов холщовых вы мне изведите!

– Почему коты? – спросил за дверью Егор.

– Ну, я тоже о котках подумал, когда увидел улепетывавших от тебя разбойников, – ответил Иван. – Знаешь, углы этих холщовых мешков будто уши торчали.

– Именно так, – подтвердил летописец.

В коридоре путешественников встретил все тот же зеленый распорядитель:

– Уважаемые гости князя! Существующий у нас уклад дворцового служения требует, чтобы сейчас вместо меня разговаривал человек в красном, затем в желтом, а потом вступил бы и я. Опыт подсказывает, что господа гости не любят ждать. Если же мы станем уклоняться от исполнения заведенного порядка, то над нами нависнет угроза справедливого наказания. Делая вам добро, мы стяжаем зло. Ничто не притупляет страх хозяйской расправы, как звонкие желтые кругляшки в количестве от десяти и выше.

– Он че, взятку вымогает?! – протянул Егор.

– Есть у меня пара альтернативных вариантов. Фантастических. – Иван пристально разглядывал мздоимца.

Зеленый поморщился:

– Пять монет.

– Побойся Прави, Влесослав, – подал голос книжник. – Я же мозгвич. Все расценки знаю. Монета с человека. А с меня ты ничего не получишь. Будешь упрячиться, я тебя в летописи помяну как самого жадного и тупого слугу Юрия нашего Близорукого. А могу и иначе... По-доброму.

– Последний путь наиболее утешителен, – нейтральным тоном ответил зеленый.

– В таком разе веди нас, куда велено, а я пропишу тебя в веках.

Щуплый распорядитель так обрадовался, что чуть не потерял привычной вышколенности. Быстро справившись с привалившим счастьем, зеленый отвел троицу в гостевые покои и растворился в коридорах мозговской власти.

– Скромно, но чистенько, – процитировал анекдот Егор, обозревая комнату.

Серый сводчатый потолок, выбеленные стены, кровати, пара сундуков, стол с лавками, печь, несколько масляных светильников. Окна «застеклены» полупрозрачной слюдяной пленкой.

– Да, жить можно. – Иван плюхнулся на кровать.

Неслух-летописец тут же оккупировал стол, и вскоре зашуршали бумаги, зацарапало перо по пергаменту...

Вечером все тот же зеленый распорядитель препроводил гостей на княжий пир.

В большой шумной зале стоял длинный стол, во главе которого сидел Юрий Близорукий с дочкой и советниками, близ них располагались на скамьях нерядовые дружинники, затем бояре, и совсем уж на выселках – купцы.

Братья мигом заметили, что столешница слегка прогнулась от яств и бочонков с выпивкой. Блюд было навалом, причем если икра, то корытами, если дичь, то косяками, если кабан, то здоровенный, как теленок. В душном воздухе витали соблазнительные запахи.

– Фига се! – выдохнул Егор. – Это каждый вечер так?

Зеленый усмехнулся:

– Не совсем. Просто нынче праздник. Мы завершили прокладку околесного тракта.

– Чего-чего? – не расслышал из-за гула пирующих Емельянов-младший.

– Мозговского околесного тракта, сокращено – МОТа! – почти проорал распорядитель. – Теперь каждый может мотаться окрест Мозгвы. Ну и денег из казны промотали, мое вам почтение.

На беду провожатого, когда он говорил последнее предложение, встал князь, и гул голосов мгновенно стих. Поэтому слова о промотанных деньгах были услышаны всеми.

Зеленый позеленел:

– Я, князь-батюшка, это... про Легендоград... Я...

– И что там, в Легендограде? – резко спросил Юрий Близорукий.

– Дык... – Распорядитель ловил ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. – У них совсем не как у нас! У нас-то – ух! А у них куда? Или вот еще тогда... И если бы не ты, князь-опора!.. А Легендоград – это не то место, где могло бы что-то такое, навроде нашего... Слава князю Юрию-батюшке! Слава Мозгве-матушке!!!

Пирующие были вынуждены поддержать оратора криком и сдвинуть кружки.

– Ох, ты и хлюст! А уж говоришь как прирожденный правитель. Ни пса не ясно, но внушает, – уже без злобы сказал Близорукий, поставив кружку на стол. – Ладно, рассаживай послов и пропади с глаз, пока еще чего не ляпнул.

Емельяновым и Неслуху отвели места недалеко от князя, среди дружинников. Летописец уселся ближе к Юрию, а братья-дембеля попали в компанию усатых разгоряченных дядек в кольчугах. Ратники вели геройский разговор, похваляясь кто собственной удалью, кто подвигами возглавляемой им сотни. Когда меж ними появились одетые в российскую

армейскую форму близнецы, бойцы проявили к ним немалый интерес. Особенно к богатырю Егору. На его фоне любой дружинник Близорукого выглядел несколько щупловато.

- Родит земля-то Эрэфии еще... – протянул кто то.
- Откуда путь держали? – спросил ближний к Емельянову-младшему витязь.
- Из Крупного Оптовища, – беспечно ответил Егор.
- Ратники вылупились на него, как на сумасшедшего:
- Нешто оттуда можно сбежать?
- Мы с братом еще не такое вытворяли, – сказал Иван.

Тут беседа и сникла. Диковинные богатыри вызывали и недоверие, и опасение. Братья воспользовались моментом – принялись за еду. Неслух-летописец что-то увлеченно рассказывал князю, не забывая закидывать в проворный рот разную снедь.

Тем временем на площадку перед столом выкатились-выскочили два скомороха. Ряжены были смешно – в сшитые из лоскутов одежды, пародирующие боярские. На головах – аляповатые колпаки, намек на боярские же высокие шапки.

Гибкий парнишка повыше ростом закричал, перекрывая гудящий пир:

– Здравствуй, люд праздный! Здравствуй, князь прекрасный! Вот и мы прибыли, на подъем легки. У нас две беды – дороги да дураки. Сейчас мы расскажем, как по первой беде к вам шла вторая! Давай, Нафаня!

Пухлый и низкорослый балалаечник вжарил:

Ехали мы громко, ехали мы тихо,
По пути нам встрелось Лихо.
Лихо Одноглазое, испугался сразу я,
Здоровое, зараза, хучь без второго глаза...

Из-за ломаного ритма и беспорядочной рифмовки Иван решил, что песня слагается прямо здесь, в режиме импровизации. Потешник задавал себе простенькую мелодию на балалайке и бойко стрелял куплетами примерно с минуту. Этот своеобразный расейский рэп закончился так:

Я-тко перетрухнул, а Сивояр смикитил:
Руки вытер, Лиху глаз поднатянул...
Куда? А то вы не догадались!
Все, подайте копейку. Мы старались!

Второй скоморох каждое слово балалаечника сопровождал пошленькой пантомимой. После иллюстрации акта победы над Одноглазым Лихом непритязательная мозговская публика оглушительно захохотала. К ногам шутов посыпались куски еды и монеты. Ничуть не стесняясь, Нафаня и Сивояр собрали выручку и испарились.

Князь велел слегка пересесть. Теперь близнецы оказались рядом с ним. Иван стал ответ держать, а Егор смотрел на красавицу-княжну и краснел.

– Ладно, сказывай, какая нужда привела двух знаменитых воинов в мое княжество, – степенно промолвил Юрий Близорукий, блаженно развалившись в кресле.

– По поручению Карачуна ищем разные вещи, – погнал с места в карьер Старшой. – В твоём княжестве, говорят, есть особый золотой ключ.

– Карачун, значит... – Князь погладил тугой живот. – Больно много в Торчке-на-Дыму ведунам воли дали. У меня они все вот где.

Перед носом Ивана помаячил толстый кулак.

Юрий отпил из грубого, зато обильно утыканного драгоценными камнями кубка и продолжил:

– Слыхал, про кого дураки ряженные пели?

– Ну, про Лихо Одноглазое.

– Вот именно. Оно лихое действует, а они про него потешки слагают. Мне отнюдь не до веселья, ведь Лихо разоряет западные пределы наших земель. Поступим, как предки завели. Вы с Егором одолеете одноглазую нечисть, это денек работы, не больше, а я отплачу вам искомым ключиком.

Старшому не понравилась идея Близорукого. Слишком пустячно выглядит... Дембель показал на дружинников:

– Неужели некого послать? Или у тебя дружина слабая?

Князь заиграл желваками, потом решил говорить начистоту:

– Посылал. И одного витязя, и троих, и отряд. Никто не вернулся. Чтобы Лихо одолеть, доблести и силы недостаточно. А вы, коли Неслух не врет, как раз умельцы против потусторонней гадины ратиться. Или боязно?

«Е-мое! – мысленно воскликнул парень. – На слабо2 берет! Дипломат...»

– Мы с братом не простачки. Естественно, боязно. Других заданий нету?

Юрий покачал головой.

– Минутку. – Иван быстро ввел брата в суть сделки, Егор согласился.

– Хорошо, мы беремся, – ответил князю Старшой.

– Вот и славно. – Главный мозгович встал и поднял кубок над головой. – Братия! Выпьем же за наших гостей Ивана и Егора, посрамителей колдунов и ведьм, змиев и каменных львов, а также самого Злебога. Ныне же сии витязи взяли землю нашу от Лиха Одноглазого очистить!

– Слава! – грянул всеобщий крик, в котором близнецам отчетливо слышались менее громкие возгласы «Глупцы» и «Песец красавцам».

Хмельное пиво побежало по пищеводам, полетела в распахнутые рты икра, утятина да прочие продукты.

Княжна Рогнеда поникла, а Неслух-летописец и вовсе выглядел как на тризне.

Егору было все равно. Иван в который раз поймал себя на ощущении, что вляпался в историю.

Глава пятая, в коей натянутый лук выпускает стрелу на север, а герои попадают в стопроцентную беду

*Она тогда ко мне придет,
Когда весь мир уgomонится,
Когда все доброе ложится,
И все недоброе встает.*

А. С. Пушкин

– У-у-уру, уру, уру... – то ли ворчал, то ли пел шаман, долбя в огромный легкий бубен и обходя белый шатер Тандыр-хана.

За камлающим старцем в вывернутой наизнанку медвежьей шубе шествовали два ученика, дымившие тлеющей паклей из нарочных трав. Воняло ужасно. Наверное, чтобы едкий запах долетел до духов, к которым взывал шаман.

Раскатисто бабахал бубен, звенели обереги на руках, поясе и ногах камлателя.

В шатре третьи сутки безвылазно молился великий хан. Точнее, должен был.

На самом же деле Тандыр не утруждал себя разговорами ни с Великим Небом, ни с духами предков. Это дело шаманов. Он крепко думал, обильно ел и пил, а также хорошенько спал. Шум, производимый камлальщиками, не беспокоил хана, ибо в первый же вечер он изобрел... беруши. Два кусочка кошмы в ушах – и порядок.

Конечно, не хватало в компанию какой-нибудь жены или наложницы пособлазнительнее, но тут уж пришлось потерпеть – нельзя разочаровывать подданных, искренне верящих, что вождь беседует с духами.

Тандыр-хан в потустороннее верил, только странной верой. Он полагал Великое Небо слишком занятым, чтобы общаться с людьми, даже такими великими, как он – повелитель степей. Не надеясь на сверхъестественные защиту и вразумление, циничный мангало-тартарин решил обойтись собственным рассудком, без духов.

У духов были иные планы.

В последнюю, третью ночь, когда хан метался в постели, обливаясь потом и постанывая, он очутился где-то в тягучей темноте, где было намного жарче, чем наяву.

Мрак клубился у ног, уползая в бесконечную глубину, и вместе с тем Тандыр (почему-то абсолютно голый) чувствовал, что находится в странной юрте. Входной полог был задернут, но от него так и дышало невероятным зноем. Даже не зноем – невидимым пламенем. Языки тьмы лизали мокрое и липкое тело мангало-тартарина, опаливая брови, бороду, тонкие косицы.

Различая оттенки здешнего неестественного мрака, Тандыр-хан ощущал чье-то присутствие. За пологом кто-то был. Кто-то могучий и страшный. Наконец сотканный из густой черноты полог зашуршал, откинулся, и вождь степняков узрел еще более темную фигуру.

Сначала Тандыр-хану казалось, что перед ним высокий человек, потом силуэт стремительно расплылся, и в очертаниях угадался то ли дракон, то ли ящер. Степняк моргнул. Вновь человек!

Густая тьма не собиралась замирать. Хан видел, как меняется облик незнакомца. То он становился шире в плечах, то шея неестественно удлинялась и принималась змеиться, то возникал хвост, но мгновением позже Тандыру являлся силуэт большого багатура.

Вслух не было произнесено ни слова, но вождь кочевников услышал обращение страшного визитера:

– Князь степи! Отринь сомнения и выступай против Эрэфии! Я принесу тебе победу.

«Кто ты?» – хотел сказать мангало-тартарин, да не мог разомкнуть потрескавшиеся губы.

Тем не менее на его вопрос ответили:

– Называй меня своим господином.

Если хан мог, он бы рассмеялся.

– Я – сын Вечного Неба, избранный народами властвовать ими!

Черный незнакомец захохотал, и тело Тандыра сотряслось от вселенской дрожи и опалилось еще более страшным жаром.

– Ты – сын дочери хана и безродного пастуха. – Порождение мрака вновь рассмеялось, чувствуя, что ударило в самое больное место ханской биографии. – Да, я знаю все твои тайны. Я не хочу твоей покорности. Мне нужен гордый волк, а не трусливый шакал. Поведи свой народ к победе.

– А тебе это зачем?

Хитрый степняк не понимал интересов черного духа... Шайтана. Да, теперь Тандыр-хан был уверен – перед ним именно Шайтан.

– Мечь. Эрэфия должна умыться кровью. Грабь, забирай все. Мне посвяти смерть.

Алчная улыбка тронула пересохшие губы степняка.

– Почему бы и нет?

– И помни. Я тебе помогу.

* * *

Неслух-летописец порывался пойти с братьями Емельяновыми за Лихом, но благоразумие победило – негоже книжнику на гиблое дело ходить. Кому велено мурлыкать, не чирикайте.

Наутро после пира братья чувствовали себя великолепно, потому что не злоупотребляли местной брагой, а вот книжник, поговорив с князем, предался пьянству и теперь ощущал себя живым мертвецом.

– Ох, соколики... – проскрипел он, не поднимаясь с постели. – Вчера готов был с вами на подвиг ратный, а нынче хоть в гроб ложись. Вы уж там Лиху Одноглазому задайте. А мне бы водички...

Сердобольный Егор напоил Неслуха из резного ковша ключевой водицей. Летописец слегка ожил.

– Ну, рассказывай, что за Лихо такое и где его искать, – велел Иван.

– Мало о нем известно, – признался книжник. – Раньше считалось, что это такой великан с единственным глазом...

– Циклоп, что ли? – блеснул эрудицией Емельянов-младший.

– Нет. «Це клоп» – так малорасеяне о кусачем насекомом говорят. А вот древнегреческие ученые толкуют о некоем «циклопсе». Ему наше Лихо и есть родня. То есть раньше так думали. Позднее в народе пошла молва о высокой одноглазой женщине с косматыми патлами. Вот тут ближе к истине, потому как от Лиха окромя вреда да сглаза ничего ждать не следует. Видел я старинный манускрипт некоего Фомы, Не Верящего В Прошлое, где он утверждает, что Лихо происходит из далекого государства Сектор Сглаза, на земли которого наслали порчу древние колдуны. С тех пор, дескать, ни сна тому краю, ни покоя... Ты, Егорушка, еще бы мне водички поднес, во рту пересохло.

Ефрейтор Емеля уважил Неслуха, тот перевел дух и продолжил:

– Встреча с Лихом сулит людям горе и неудачу. Под Мозгвой оно завелось примерно год тому назад. Весть о нем принесли три бабы, ходившие по грибы. Видели, мол, чучелу патлатую, пальцем в нас тыкающую да глазом зыркающую. Им-то спервоначалу не пове-

рили, только первая баба заболела сильно, у второй дом погорел, а у третьей скотина сталадохнуть. С тех пор Лиха никто не встретил, но несчастья продолжают, более того, люди пропадают.

– Ага, вояки вчера признались, что много народу исчезло, – задумчиво кивнул Старшой. – Я беспокоюсь насчет неудачи... Вон, братан у меня и так неудачливее некуда, переживет. А может, и само Лихо об него обломается. А я-то растерять везение не хочу...

– То-то и оно. Способов одолеть одноглазую нечисть я не ведаю. – Неслух потеревил бородку. – Тут нужна сильнейшая волшба. Хотя колдуны, взявшиеся известить Лихо, тоже пропали. Двое или трое. А то и больше. Я же только что из Торчка, а времени прошло немало.

Распрощавшись с бедолагой-летописцем, братья Емельяновы покинули гостевые палаты и вышли из кремля. Сев на поданных слугами лошадей, двинулись в путь.

На площади, которую мозгвичи называли Алой, хотя мощена она была черным булыжником, кипел торг. Вдоволь наглазевшись на ярмарку Большого Оптовища, дембеля без задержек минули громкие, тесные и оглушающие ароматами базарные ряды и отправились на запад.

В узких улочках царила ругань. Здесь, в пробках, стояли телеги. Спешащие всадники старались объехать заторы по обочинам-тротуарам, рискуя задавить пешеходов. Близнецы пристроились за таким торопыгой и через несколько минут выбрались на широкий тракт.

Здесь дело пошло веселее. Мимо проплывали разнородные дома, Егор глазел на людей, преимущественно девок, и вспоминал красавицу Рогнеду.

– Ты гляди, братан! Реклама! – подивился Старшой, показывая в сторону.

Стену одного из высотных зданий украшала надпись: «В Мозгву бресть – последнюю копейку несть. Ростовщик Прижимайло».

На небольшой площади, где толклись горожане, покупающие соленья-варенья у крестьян, братьев ждал круглый и румяный сюрприз – Колобок. Разумный хлебец выкатился прямо под ноги их лошадей, буркнул: «Смотри, куда прешь!» – и только потом узнал Емельяновых.

– Ах вы, лицемеры предательские! А ну, я вам плюну в глаза бесстыжие! – высоким голосом пискнул каравай и смачно плюнул снизу вверх.

Из ротика вылетели крошки, но до бесстыжих глаз близнецов, естественно, не достали, упали на самого Хлеборобота. От таковой несправедливости он еще сильнее раздухарился. Ловко подпрыгнув выше седла, недаром же на мяч похож, он врезался в живот Егора. Растерявшийся ефрейтор не среагировал на выпад и согнулся от боли.

– Ты чего? – спросил Иван, на всякий случай готовя правую ногу для футбольного удара, хотя понимал: так можно и с коня шлепнуться.

– А куда вы подевались, изменники? – возопил Колобок.

– Подожди. – Старшой потряс вихром. – Ничего не понимаю. Ведь это же ты куда-то смылся. Сам же говорил: «Я от бабушки ушел, от дедушки... От вас, когда захочу, укачу!» Вот мы и решили, что захотел.

Каравай задумался. Из тельца быстренько вылезла ручонка, почесала макушку. Отрастив вторую руку и пару ножек, хлебный трансформер нехотя произнес:

– Ну, ладно, ладно. Допустим. Меня мнимый слепец ножом проткнул и запер, а вы и рады забыть друга старого, помощника ценного, сироту круглую... – Волшебное дитя покойных Сусекских-Скреби жалобно захныкало. – Меня крысы чуть не сожрали!

– Откуда нам знать было про слепца-то? – проныл Егор, восстановив дыхание.

– И на что разум человеку даден? – будто бы про себя принялся рассуждать каравай, оставив намеки на плач. – Агнцы сущие... Ладно, в Эрэфии с дурачков спросу не бывает. Прощаю вас, горемык.

– Как же ты освободился? – поинтересовался Иван.

– Вестимо как. Я ж ото всех уйти могу.

Парни рассмеялись.

– Искали хотя бы немножко-то? – все еще дуясь, спросил Колобок.

– Да, конечно! – горячо заверил его Старшой.

Хлебец недоверчиво хмыкнул и посмотрел на Егора:

– Так дело было?

– Ну, на самом деле... мы... – Увалень почесал макушку

Иван процедил сквозь зубы:

– Знаешь передачу «Самый умный»? Так вот, ты, наоборот, самый честный.

Колобок простил братьям и это вранье. Все же каравая нравились богатыри. Слишком долго Хлеборобот странствовал без цели. Потом его выручил из магического плена Старшой, в котором круглый разумник ясно видел спящего волшебника. Так каравай получил возможность наблюдать за подвигами диковинных парней. Вроде бы рассеяне, но «не от мира сего». Чудные какие-то. Любопытно.

Емельяновы рассказали про задание Юрия Близорукого, и Колобок вызвался идти с ними.

Вскоре они миновали пресловутый МОТ. Мозговская кольцевая поражала шириной. Князь воистину не поскупился.

Город остался позади, начались деревеньки да поля с рощами. Часа через два дорога привела братьев да каравая к здоровенной надписи.

Надпись была вырезана на дубовой доске, приколоченной к дереву. Чувствовалось, делали надолго: «Тракт Мозгва – Легендоград. Путник, стерегись Одноглазого Лиха, кое промышляет в наших краях!» Ниже была прибита стрелка, указывающая вправо: «Объезд через Дверь».

Емельяновы сразу заметили, что кружной путь был свежее, хотя никакой двери не узрели.

– А ты по какому прикатился? – спросил Иван Колобка.

– По длинному. Там, с легендоградской стороны, тоже такая вывеска красуется, народ страшает. Вот будет потеха, коли нечисть одноглазая боится людей не меньше, чем они его.

– Блин, ищи его теперь, – пробурчал Старшой и ступил на заросший травой тракт.

Спутники молча последовали за ним.

Иван размышлял: «Куда бы ни шел богатырь – всегда его ждут минимум две дороги. Помнится, к Тянитолкаеву путь Соловей разбойник обрубил. Ловко мы его тогда... И ведь в том же составе действовали, с Колобком. Надеюсь, и в этот раз все ловко устроится»...

Кстати, о Соловье. Действительно, Емельяновы расчистили дорогу между Легендоградом и Тянитолкаевым. Время путешествия сократилось. Честь и хвала богатырям-героям! Но были люди, которые вовсе не торопились сказать братьям спасибо. Это корчмари. Стоило поганому свистуну исчезнуть, и народ повалил по короткому маршруту, лишая владельцев многочисленных харчевен и постоялых дворов прибыли. Вот и получается, что у любого, пусть и самого добрейшего деяния есть хоть чуточка негативного остатка.

Лихо Одноглазое поселилось в окрестностях легендоградско-мозговского тракта недавно. Объездной путь еще не успел обрасти гостинными хозяйствами, поэтому здесь близнецы вряд ли ущемляли чьи-то интересы. Оставалось как следует ущемить интересы самого Лиха.

«Значит, это кикимороидальное существо имеет один глаз, насылает порчу, бродит, где попало, – в сотый раз перетряхнул скудную информацию Старшой. – Как его прищучить?» Нет, не торопился гениальный ответ посещать умную голову Ивана.

– Зато, братан, здесь вряд ли встретишь бандитов с мешками на башках.

Егор согласился.

– Между прочим, в Легендограде наслышаны о сих разбойниках, – встрял Колобок. – Там их называют котами в мешках. Дерзкие парняги! И вообще, Егорий, возьми меня на руки. Трава мешает. Сами-то, ишь, на кобылах. О себе только и печетесь.

Ефрейтор Емеля подхватил Хлеборобота, усадил на плечо.

Вверху, в чуть приправленном облачками небе, растерянно курлыкали журавли. Они полетели было на юг, но тайное, неподвластное людям чувство подсказывало, что морозы не придут. Теперь сбитые с толку птицы возвращались домой.

По-прежнему царила жара.

Чем дальше ехали братья, тем тревожней становилось на душе у Ивана.

Вроде бы и солнце светит, и дорога ясна, никакого тебе бурелома да криков истошных. Птички чирикают, Колобок что-то Егору рассказывает, мир и благоденствие, а вот поди ж ты, беспокойно.

Старшой считал себя вполне вменяемым гражданином. На навязчивые идеи не жаловался, частой сменой настроений не страдал. Тяжелые предчувствия посещали его единственный раз, когда чуть было не погиб Рарожич, вещая птица, живущая в Легендограде. Но в тот момент придавило всех, все-таки сыграла свою роль магическая мощь Рарожича. А так Иван был типичным оптимистом, предпочитающим действовать, а не раскисать. Почему же сейчас ему не хотелось встречаться с Лихом?

Через какое-то время беседа Емельянова-младшего с караваем сошла на нет. Егор заерзал в седле, волнение передалось и флегматичному тяжеловозу. Кобылка затрясла головой, принялась всхрапывать. Жеребец Старшого затанцевал, заозирался. Лишь Хлеборобот остался невозмутимым. Что с него взять – искусственный интеллект.

– Черт, такое ощущение, словно Джек Потрошитель в душе ножичком ковыряется, – хмуро признался Иван.

– Угу. – Егор на всякий случай держался за рукоять кривой сабли, висящей на армейском ремне.

Видок у воронежского богатыря был живописный – форма контрастировала с клинком, спрятанным в добротные дорогие ножны. Подарок Торгаши-Керима.

– Ну, соколики, почуяли Лихо? – хихикнул Колобок.

– Такого у меня даже перед встречей с драконом не было, если мне память не извиняет... – проговорил ефрейтор Емеля.

– Изменяет, – поправил Старшой, и ему странным образом стало спокойнее, ведь не он один разволновался.

– У существ наподобие Одноглазого Лиха такая странная природа, – начал разглагольствовать хлебец, открывая братьям подробности, которых не знал даже Неслух-летописец. – С одной стороны, оно как бы баба. А с другой – мужик. На деле – ни то ни другое. В смутные времена, когда землю покидали последние боги, здесь случались невероятные вещи. Ляжет человек поспать возле кумира Велеса – утром просыпается человекобыком. Заболеет мальчонка, станут его лечить травами, а он в лешего обратится. Тогда же и шуликуны в большом числе распространились. Откажется мамка от ребятенка, бросит на морозе, тут силы нечистые и вдохнут в него дух Пекла.

– Видали мы твоих шуликунов, – отмахнулся Иван. – Вредные, но вполне управляемые. Хлеборобот хмыкнул:

– Лихо – это тебе не шуликуны. Это воплощенное в Яви горе. Раньше оно привязывалось к человеку и преследовало его до самой кончины. А нонче, сами видите, к целому княжеству присосалось. Народ ропщет, я по пути наслушался. Говорят, темные времена грядут. Всякая бяка повылезла, наглеть стала. Вот вы вроде прищемили хвост Злебогу, но Лихо, слуга его, вольготно себя на главном тракте Эрэфии чувствует.

– Бросай политинформацию, Колобок, – подал голос Егор. – Лучше объясни, как с ним справиться.

– А я откель знаю? – Каравай захлопал глазками. – Его ж никто еще ни разу со свету не сживал.

Старшой скривился, хотя и предполагал услышать от Колобка нечто подобное, а Емельянов-младший неожиданно сменил тему:

– Давайте тогда поедим, а то в моем богатырском брюхе уже полдня урчит.

– Что, брат, не терпит природа пустоты? – улыбнулся Иван. – Привал!

Елось как-то механически, без удовольствия. Егор и вовсе подавился, а потом долго и мучительно откашливался. Сказывалось влияние Лиха. Прав был Хлеборобот: враг был силен, поле его воздействия плотно подавляло всякие намеки на радость.

Чтобы развеяться, Старшой в очередной раз наложил персты на клеммы и оживил приемник. Радио воспроизвело вой и посвист вьюги, на фоне которого происходил разговор ребенка и некоего дядьки:

– Что же ты, девочка, делаешь в такую погоду одна, да еще и в лесу?

– Послала меня мачеха за подснежниками. Ты не знаешь, дедушка, где их найти?

– Знаю. Пойдем покажу.

– А ты, дедушка, Декабрь?

– Нет, милая, Сусанин я. Иван.

Прозвучало нечто тревожное и в то же время завершающее из Чайковского. Интеллигентный голос дикторши был мягок:

– Вы слушали радиоспектакль «Подснежники 2. Польская версия». Завтра в это же время – час детектива.

Раздался музыкальный всплеск, настраивающий на авантюру и мокрые дела. Его сменил ритм, неуловимо напоминающий все существующие саундтреки к советским и российским детективам. Суровый баритон прочел фразу, исполненную скрытого смысла:

– Следователь Делошвейко задумался: «Так кто же из них – Дубов, Орехов или Мочалов?...»

«Па-бам!» – ударили струнные.

Иван выключил приемник. И тут какие-то гротескные ужасы.

Колобок затеял рассказывать Егору сказку:

– Свою грустную былинку поведаю о богатыре печальной судьбы. Звали его Беспросветом. Могуч был герой, статен, да не сложилась его жизнь, как ни крути...

– Ты хоть жилы не тяни! – оборвал его пунцовый после приступа кашля Егор.

Потом подсел к Старшому:

– Что-то я дрейфлю, братишка. Ты же знаешь, я не особо везучий. Сейчас вообще себе не верю. Будто... Ну, ты понял.

Ткнув младшего в плечо кулаком, Иван невесело ухмыльнулся:

– Такая же фигня. Сильна, скотина. Только нам по-любому ее надо победить, с везением или нет. Бей со всей дури, а там разберемся.

– По дыне мы можем, – улыбнулся Егор.

Двинулись дальше. Пошли пешком, ведя беспокойных лошадей под уздцы. По-прежнему все было как обычно, лишь настойчивый внутренний голос упорно уговаривал повернуть обратно. Не пролетело и пяти минут, когда дембелей остановил окрик Колобка, сидевшего в седле Егорова тяжеловоза:

– Тпру, ребята! Слышите?

Емельяновы напрягли слух.

– Ничего... – пробормотал Иван.

– Вот именно. Птицы где?

Теперь братья заметили, что тишина действительно мертвая.

– Гляньте на деревья, – шепотом сказал Егор, указывая направо от тракта.

Здесь росли березки, елки и несколько осин. Все деревья склонили верхушки, ветви вяло повисли, чуть ли не подметая землю. Иголки, листья и трава были желтыми. Старшой протянул руку, сорвал пару листьев. Они лопнули с сухим треском и рассыпались в прах. Пыль осела облаком. Штиль. Безмолвие.

– Совсем близко, – выдохнул Иван.

Ефрейтор Емеля вытащил саблю.

Близнецы вывели лошадей из желтой зоны, привязали к ветвям. Колобок скатился наземь. Стоило отойти от животных, и те принялись рвать поводья, дергаться, пытаются освободиться. Тяжеловоз делал это тихо и сосредоточенно, а Иванов гнедой взбрыкивал и коротко ржал.

– Тихо! – Старшой похлопал жеребца по напряженной шее. – Боятся, дьяволы. Отпускаем?

Младший кивнул. Хлеборобот заверил:

– Они отбегут и станут ждать, чую, умные.

Стоило развязать поводья, и пара рванула туда, откуда прибыли путники.

Братья молча переглянулись и отправились на встречу с воплощенным горем.

Под ногами хрустела трава. Впереди виднелся кустарник пшеничного цвета. Егор подумал: «Вот тронь его – и рассыплется». Старшой тоже не рискнул касаться хрупких веток. Колобок деловито укатился в глубь зарослей.

Его не было с полминуты, потом вернулся:

– Лучше обойти.

Левее обнаружилась узкая тропинка. Братья старались не задеть кусты, но здоровяк-ефрейтор все же не вписался. Ветви стали лопаться с почти музыкальным треском. Заросли разрушались по законам эффекта домино: с обеих сторон от парней расчищалось пространство. Желтая пыль клубилась там, где только что был кустарник. Затем она опала, и Емельяновы с Колобком увидели полянку шагов в десять диаметром. Посредине торчал одинокий пенёк, а на нем восседала девушка. Она сидела вполоборота к визитерам и расчесывала длинные черные волосы большим гребешком. Одежда была простой – сарафан, рубаха. Ноги босые.

Девушке можно было дать лет четырнадцать. Именно в таком возрасте дамочки прячут лица за волосами, переживая из-за прыщей или собственной мнимой некрасивости. Вот и эта особь слабого пола скрывалась за роскошной смоляной волной.

Незнакомка чуть раскачивалась и пела, отрешившись от этого мира. В монотонном мотивчике смутно угадывались русские народные страдания, девушка старательно «подволакивала» звук «о». Выходило жалостливо:

Ой, пошла в лес одна,
Заболела нога.
Ой, присела на пенёк,
Просидела весь день.
Ой, пора бы вставать,
Да никак не встать.
Ой, пора бы идтить,
Да никак не пойтить...

«Хм, я по этому рецепту мог бы километрами песни сочинять, – подумал Старшой. – Чего она тут делает-то?»

Егор сделал шаг, и под подошвой его армейского ботинка громко щелкнула старая ветка. Деввица вздрогнула и обернулась. Из-за волос зыркнул испуганный правый глаз, половина лица была скрыта. Иван успел отметить, что кожа чистая, без угрей.

– Вы кто? – Незнакомка вскочила и запрыгнула на пенё, будто это как-то могло ее защитить.

Сразу бросалось в глаза, что деввица бережет левую ногу. В дрожащей ручке, выставленной перед грудью, маячил гребешок, дескать, не подходи, зарежу... или хотя бы оцарапаю. Емельянов-младший посмотрел на свою саблю и стыдливо убрал ее в ножны.

– Мы – богатыри русские, – представился Иван.

Каравай деликатно кашлянул. Старшой поспешно добавил:

– Да, и вот Колобок с нами. А ты-то кто?

Близнецы залюбовались не по годам развитой фигуркой, носик и губки тоже были симпатичнее некуда. Да, умеют девчонки заинтриговать. Черноволосая просекла, что перед ней не лихие люди, робость сменилась легкой наглостью:

– Я-то? Баба Яга собственной персоной. – Напряженный голос сорвался.

Иван улыбнулся:

– Нам довелось Ягу встречать, ты не такая.

Девчонка спрыгнула, ойкнула, отдергивая от земли ножку, плюхнулась на пенё и разревелась. Лицо совсем спряталось за белые ладони, зато задралась пола сарафана, показывая до коленок стройные ножки.

– Круто, – промолвил Егор.

– Усладушкой величают, – проговорила незнакомка, поправляя сарафан.

Красивый голубой глаз вновь вперился в братьев и Хлеборобота.

– Вот! – обрадовался Старшой. – А мы Иван да Егор. Не кашляй, Колобок, я тебя уже представил.

Помолчали, Усладушка вытерла слезы.

– Ну, это... А как ты тут?.. – попробовал сформулировать Емельянов-младший, явно запавший на развитую малолетку и оттого совсем смутившийся.

– Шла по дороге, ногу подвернула, – жалобно и одновременно музыкально ответила девушка. – Свернула вот, села на пенек. А тут вы.

– Куда ты топала-то, когда тут Лихо Одноглазое рыщет? – удивленно спросил Иван.

– Да я и сама, как видишь... – Услава показала на глаз и добродушно рассмеялась. – С вами спокойнее. А шла я в Мозгву.

– Блин, и что же с ней делать? – озадачился Старшой, повернувшись к брату, который так и пожирал девчонку взглядом. – Лошадей мы отпустили, сами должны найти Лихо...

– Надо вернуться за кобылкой, – выдал решение каравай.

– Не пойдет. Боятся они этого места. Тут, наверное, наше Лихо долго пробыло, – сказал Иван.

Отмер очарованный Егор:

– Я понесу Усладу до лошадей. Потом вернемся и поквитаемся с Лихом за... за... В общем, за всю фигню!

«Герой!» – мысленно усмехнулся Старшой, но план поддержал.

– Согласна? – спросили близнецы девушку.

– Да разве ж не жалко вам коняшку? – засмутилась красавица. – Как же вы без нее?

– Нормуль, – успокоил Емельянов-младший, подходя ближе. – Держись за плечи.

Услава крепко сцепила руки на груди Егора, он подхватил ее ноги, готовый тащить красавицу хоть до самой Мозгвы.

Сухую поляну покидали торопливо, будто бы избавлялись от чего-то плохого, хотя братья все еще чувствовали близость магического врага.

Выбрались на тракт. Иван шел первым, следом шагала великан-ефрейтор с девушкой за спиной, замыкал экспедицию Колобок.

То и дело оглядываясь, Старшой не забывал высматривать и лошадей. «Скорее всего, пугливые животные дали деру, – рассуждал он. – Но лучше бы Хлебоборобот был прав. И девка эта, в эпицентре гадкой аномалии сидевшая... Дурочка».

Егор запнулся, и Иван вновь обернулся на брата. Здоровяк удержался на ногах, правда, чуть не уронил Усладу.

В этот момент с лица девушки откинулись волосы. Спрятанная половина оказалась уродлива. Серая сморщенная кожа. Порванная щека, за которой белели стиснутые зубы. И самое мерзкое – пустая черная глазница.

Зрелище было адское: полууроина-полукрасавица за спиной брата. Ивана аж замутило.

– Брось ее! – крикнул Старшой.

– Че?! – не понял Егор.

Лик Услады искадила злоба. Девушка осклабилась, прошипела что-то, и Иван с ужасом почувствовал, что не может вздохнуть. Захрипел, стал тыкать пальцем за спину младшего, с ужасом наблюдая, как вытягиваются пальцы проклятой незнакомки. Они змеились по груди Егора, словно корни, и пытались нащупать голую кожу, но китель парадки не позволял. При этом девушка не ослабляла, а даже усилила захват, сжимая шею богатыря. Емельянов-младший стал бороться. Вокруг катался и верещал Колобок.

Старшой упал на колени. Голова кружилась от нехватки кислорода. Алые всполохи возникали и пропадали перед глазами парня. Вскрикнул Егор – один из корней-пальцев впился в его руку.

– Ах ты, сучка, – пробубнил ефрейтор Емеля и от всего сердца вмазал рукой вверх.

Боксерский инстинкт не подвел – удар достиг цели. Лоб страшной нежити хрустнул, Услава отпустила Егора и шмякнулась навзничь. Он ощутил невероятную усталость. Ныло «ужаленное» запястье.

Зато Иван наконец-то глотнул спасительного воздуха.

Перекувыркнувшись, девушка оказалась на ногах. Пальцы извивались, тянулись к братьям. На каждом кончике виднелась маленькая присоска. Сейчас Услава потеряла всякую привлекательность – фигура изменилась, раздалась вширь, руки и ноги искривились и удлинились. Грудная клетка стала больше, черные волосы седели прямо на глазах изумленных близнецов и Колобка. Лицо вытянулось, нижняя челюсть сделалась массивней, кожа полностью посерела, а голубой глаз пылал синим пламенем.

– Красотуля, – прохрипел Старшой.

Продолжая расти, Услава раскрыла пасть, полную шевелящихся клыков, и завывала:

– Хотели Лиха? Получите!

– Да мы уже как-то догадались, – пролепетал бледный Егор.

Иван смотрел на шатающегося брата и понимал, что дело швах.

Одноглазое существо прыгнуло на Емельянова-младшего, и в тот миг, когда здоровенные челюсти уже смыкались, чтобы сокрушить шею и голову увальня-ефрейтора, в пасть со скоростью пушечного ядра влетел верещащий Колобок.

Смертоносный выпад Лиха закончился сильным, но безвредным ударом морды в грудь Егора. Парня повалило на стоящего на коленях Ивана.

Само двухметровое чудище гмыкнуло, хватаясь лапами за шею, отступило и бухнулось на узкую задницу. Пальцы заструились в пасть, норовя вытащить, выцарапать каравая, перебившего воздух. Задние лапы (а думать о них как о ногах близнецы не могли) заскребли дерн, собирая острыми роговыми шипами траву.

Движения стали замедляться, глаз глядел умоляюще, затем тварь, кажется, поняла, что ей крышка, и поползла к братьям.

Емельяновы попятились, словно каракатицы, на четвереньках. Погоня продолжалась метров пять, потом Лихо собралось с последними силами и прыгнуло. Стеганули по ботинкам Ивана да Егора болтающиеся, как плети, пальцы.

Не доскочило.

Еле-еле подняв уродливую башку, чудище пристально посмотрело на дембелей, будто проклинали, и окончательно отрубилось.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – сплюнул Иван. – Это не потому что я такой суеверный, а потому что ты такое сглазливое.

Лихо не двигалось, лишь подергивалась одна из задних конечностей.

Егор всхлипнул:

– Колобка жалко. Помер, как герой. Нас спас.

– Точно, – выдохнул Старшой.

Они встали, помогая друг другу, и долго пялились на гадкое патлатое существо.

– Ну, пойдем в Мозгву, – предложил Иван.

Тут шкура на спине чудища вздыбилась огромным горбом. Братья отступили, готовясь к худшему, но синюшная кожа лопнула, и...

– Надо же, V-образное сердце с шестью предсердиями, – пробормотал окровавленный Хлебоборбот, стирая проворными ручонками слизь с боков. – Вот уродина...

– Колобочек! Не сожрала! – обрадовался Егор и бросился обнимать каравая.

– Но-но, – не без удовольствия ответил тот. – Я же говорил, что несъедобный.

– Отрыв башки! Спасибо тебе, – умиленно проговорил ефрейтор и упал в обморок.

глава шестая, в коей затягивается аркан событий, а близнецы удивляются княжескому гостеприимству

*Сначала добудьте факты, а затем на досуге можете ими
поиграть.*

Марк Твен

Южнее Легендограда и Мозгвы стоит славный город Тянитолкаев. Славится он уникальной раздвоенностью. Половину Тянитолкаева обороняет стена, другая защищена глубоким рвом. Дома деревянные и каменные. Дороги тоже.

Люди также делятся на две категории, только не на деревянных и каменных. Половина народа за Партию ослов, а пятьдесят процентов за слонов. Бояр тут называли боялами, потому что их следовало бояться, да и в других вопросах народ в этом княжестве был изрядно своеобразен.

Близнецы Емельяновы хорошо знали тянитолкаевскую жизнь и нескольких местных. Но сейчас brave дембеля завязли в лесу между Легендоградом и Мозгвой, а странный, разделенный пополам город жил собственной жизнью.

Когда в темном небе проявились первые намеки на рассвет, ранние прохожие увидели маленькую сухую бабульку, раздетую в цветастое цыганское платье. На голове буквально пылал алый платок, на шее звенели всяческие бусы да амулеты. Морщинистое остренькое лицо было тревожным. Большие карие глаза кричали о грядущей беде.

Старушку звали Скипидарьей. Она была гадалкой.

Растрепанная Скипидарья шла по утреннему городу, неся в тонкой руке горящую лампаду. Она бродила почти час, уже рассвело, и огонь выглядел неуместным.

Малец по имени Шарапка, спешащий по поручению хозяина, остановился перед мятущейся вещуньей, поймал ее за подол:

– Ты чего, бабушко?

– Человека ищу, дитятко. – Гадалка поймала свободной рукой концы цветастого платка, постепенно соскальзывающего с острых плеч.

– Какого человека?

– А такого, с двумя ушами, чтобы слышал. И разумом, чтобы понял. Беда идет, гибель неминуемая!

Малец испугался непонятных слов одержимой старушки, припустил по улице прочь. Скипидарья не обратила на это внимания и продолжала громко вещать:

– Горе тебе, град располовиненный! Черное море потопит тебя в крови, а защитники единственные, судьбою избранные, уже в неизъяснимой беде! Бедный соколик Иван, бедный соколик Егорий! Страшись, люд тянитолкаевский! Не помогут тебе ни стены высокие, ни небеса широкие, ни подземелья глубокие! Беги от гибели неминуемой!

Ошалелые прохожие расходились в стороны, стараясь не задеть оглашенную прорицательницу. До сегодняшнего утра бабка пользовалась доброй славой, Скипидарье верили, но нынешняя выходка была чем-то непривычным. Лучше посчитать, что старушка сбрендила.

Через четверть часа к безутешной гадалке подошел высокий полный боялин с приятным лицом. Из-под куньей шапки выбился рыжий вихор, острый взгляд вперился в вещунью. На вид богато раздетому боялину было не более тридцати лет. Необходимость таскать дорогие вещи тяготила визитера. В такую жару не в шапках-шубках красоваться. Поравнявшись со старушкой, мужчина вытер лоб и чуть заметно поклонился:

– Здравствовать тебе, Скипидарья.
– Не мешай, Полкаша. – Бабка отвернулась и подняла свою лампаду повыше.
Боялин обошел гадалку, тронул ее за руку:
– Могу ли помочь тебе?
– Себе помоги, – огрызнулась вещунья, отодвигаясь. – Того же Драндулецкого прогони из города... Да поздно, поздно уже!
Старушка опустила лампаду, острые плечи, укрытые платком, поникли. На лице застыла скорбная маска.
– Да что стряслось, бабушка?
Ласковый басок боялина окончательно успокоил гадалку.
– Погибнет славный Тянитолкаев, Полкаша. – В глазах Скипидарьи стояли слезы.
Боялин взял гадалку под локоток:
– Пойдем ко мне, позавтракаем. Ты мне все порядком поведаешь. Город наш спасти станем.
– Станем? – по-детски переспросила вещунья, вспоминая яркое видение, которое посетило ее этой ночью.
– Безусловно.
Полкан и предсказательница побрели к боялскому терему, а народ судачил потом: «Вот времена настали. Скипидарья с ума сошла, а боялин Люлякин-Бабский ее под ручку водит».

* * *

Лошади нашлись сами – выбрели к дембелям и Колобку, ведь после кончины Одноглазого Лиха исчезло пугающее ощущение беды. Егор был слаб, как младенец. Хлебец катался вокруг и бестолково хлопотал, то есть суетился. Иван поглядел на запястье брата. Ранка безобразно вспухла и почернела. Ефрейтор Емеля продолжал демонстрировать адскую неvezучность.

Он сохранял внешнее спокойствие, но чувствовал себя отвратительно. Во-первых, он перестал управлять телом, пропала сила, которой так гордился. Во-вторых, было страшно. Беспомощность оказалась хуже невозможности говорить. Совсем недавно Егор терял речь, только разве сравнится эта потеря с... А с чем? Вдруг это первые симптомы смерти? Парень хотел жить. Он попытался сжать пудовые кулаки, повести онемевшими плечами. Не удалось. Тогда страх сменился ужасом, но ефрейтору не подчинялось даже лицо! Мышцы словно отмерли, даже бровь не дернулась.

– Братка... – сумел выдохнуть Егор.

Старшой спрятал прихваченный у Лиха гребешок, похлопал младшего по руке:

– Молчи, не напрягайся. Слышь, Колобок! Может, надо отсосать яд из раны или еще что-нибудь сделать?

– Надрежь и выдави гной, – порекомендовал Хлеборобот, продолжая нарезать круги.

Иван пожалел, что нет спирта или хотя бы зеленки. Последовал совету каравая. Из ранки вытекла темная вязкая масса. Запашок стоял, будто кошка сдохла. Да, ефрейтору Емеле в каком-то смысле все же повезло, ведь Лихо могло впиться в него и другими пальцами, и притом не в руку. Тогда наверняка парень не выжил бы.

– Надо валить в город, – пробормотал Старшой. – Там хоть врачи или, как их, ведуны.

Он попытался оторвать брата от земли. Расслабленное тело казалось неподъемным. Иван растерялся.

– Заставь лошадь лечь рядом, балда, – сумничал Колобок.

Тяжеловоз беспрекословно выполнил команду Старшого, и ему удалось закатить Егора на спину кобылы. Потом она осторожно встала на мощные мохнатые ноги. Иван привязал к ней близнеца веревкой, припасенной в седельной сумке.

Взял повод, заскочил на жеребца. Колобок устроился на спине ефрейтора, выпустив из себя несколько ложноножек. Двинулись.

После того как Старшой вскрыл рану, самочувствие Егора улучшилось. Он ощутил в ватных руках и ногах тепло, задышал глубже, а еще частично вернулась способность управлять лицом.

Голова ефрейтора Емели покоилась на шее тяжеловоза. Перед глазами, которые так хотелось закрыть, медленно появлялись и исчезали деревья. Картинка убаюкивала. Парень отключился.

– Ты смотри, храпит! – умилился Колобок.

Иван улыбнулся:

– Жить будет.

Ехали медленно, чтобы Егор не сполз. Часа через полтора он очнулся и резко сел в седле. Каравай слетел на дорогу, заскакал, словно мячик, охая при каждом ударе о землю.

– О! Доброе утро! – обернулся Старшой.

– Пывет, – смог выдать Емельянов-младший.

– Я из-за них дважды в муку распадался, а они! – послышался вопль обиженного Хлебоборота.

Егор попробовал оглянуться, но не преуспел.

– Ну, мы же не специально, – сказал Иван, останавливая лошадок. – Уйми красноречие. Придумал же – «в муку».

– Не придумал! – огрызнулся каравай, отряхиваясь. – Знали бы вы, как это страшно – решиться на рассыпание. Вдруг не соберешься обратно?

– Подожди, когда мы тебя заставляли рассыпаться?

– Ха! А в Лихе я, по-вашему, что делал? Цельным куском блуждал? Нетушки, я в крупу и по сосудикам. Загрязнил легкие и сердце. Тут супостату и крышечка.

Близнецы поразились изощренности хлебца. Он же, похваставшись, успокоился. Ловко запрыгнул на круп тяжеловоза.

– Чего ждем? Поехали!

Ефрейтор Емеля потихоньку разрабатывал ватные мышцы – шевелил пальцами, гримасничал. Основные силы уходили на поддержание тела в вертикальном положении. Бледного лица Егора коснулся легкий румянец, а спина и вовсе вспотела. «Ничего, я молодой, сейчас оклемаюсь», – подбадривал себя парень, правда, особого прогресса в его самочувствии не наблюдалось. Из ранки по-прежнему сочилась, капая на тракт, черноватая сукровица.

– Точно люди говорят, что все горе от баб, – почти чисто изрек Егор.

– Я напоминаю: Лихо не мужик и не баба, – наставительно проворчал Колобок. – Но признаюсь. Мне она, ну, оно спервоначалу тоже весьма приглянулось. Глаз радовало.

– Глаз? – невинно переспросил Иван, и троица рассмеялась, ефрейтор чуть не упал с кобылки.

В Мозгву въехали уже затемно. Егор снова лежал и дремал. Не разбудил его и цокот копыт о брусчатку Алой площади. Эхо разносило резкий стук в темноте, звуки бились в стену княжьего городища да в Кощееву усыпальницу, неслись обратно, создавая эхо.

Перед теремом, на освещенном факелами крыльце братьев встретил вечнозеленый Влесослав:

– Что-то вы быстро.

– Богатырское дело нехитрое, – ответил Колобок.

– А это кто таков? – насторожился распорядитель, заметив хлебца.

– Голова Лиха, – пошутил Иван, вспомнив, как зеленый вымогал взятку. – Ты ему в глаза не смотри от греха подальше.

Влесослав охнул, спрятался за рукавом.

– Так у него два глаза, кажись...

– Один стеклянный, – невзирая на усталость, продолжил врать Старшой. – Все, позже поговорим. Зови кого-нибудь, Егора ранило.

Спящего увальня-ефрейтора бережно сняли с тяжеловоза, отнесли в гостевую почивальню. Здесь еще жил Неслук-летописец. Он промыл и перевязал рану, потом подробно расспросил Ивана об очередном подвиге, заверил, что с Емельяновым-младшим все будет хорошо:

– Выздоровеешь, я помогу с лекаркой. На самом деле Лихо редко вступало в открытое противоборство с людьми. Вы познакомились с его излюбленным способом, когда сами же и взвалили его себе на шею. Некоторые печальные герои древности так и мыкали горе с Лихом на горбу до могильной плиты. Выбирает, то есть выбирало оно жертв, кои были готовы к страданию. Так что, Егорий, смекай: менять тебе надо отношение к жизни. Вот вы говорите, что за золотым ключом пришли. Он, между прочим, удачу приносит. Ты, Ваня, не жадничай, отдай ключ брату, ты-то и так любимчик Доли.

– Да легко, – усмехнулся Старшой. – Как только Юрий за подвиг ратный расплатится, сразу тебе отдам, братуха.

– Слышь, Неслук, – проямлил ефрейтор. – Ты типа умный, насчет ключа все знаешь. А от чего он?

– Тут, ребята, дело темное, – нехотя признался в собственной неосведомленности книжник. – В известных мне летописях он почти не упоминается. Единственный намек я нашел в эпическом сказании о некоем Урфинусе Соке, жившем в одной из стран Гнилого Заката. Будто бы у этого Урфинуса было странное подземелье, где он выстрогал деревянное воинство. Заперев вход, он завесил его изображением очага. Сказание заканчивается пророчеством, что явится дубовый воин с длинным носом и проткнет очаг, отомкнет золотым ключом дверь, и деревянная дружина выйдет, чтобы поработить людей.

– Редкостная галиматья, – констатировал Иван, не в первый раз мысленно возвращаясь к странностям мира, в котором они с братом очутились.

Разговор зачах, и все заснули. Колобок, опасавшийся за свое здоровье после вторичного применения маннотехнологии, был занят самопроверкой.

Дождавшись ровного сопения трех носов, зеленокафтаный распорядитель, сидевший в соседней комнатке, оторвал ухо от нарочитого слухового отверстия и поспешил к Юрию Близорукому. На бегу бормотал: «Вы мне сразу не поглянулись, аспиды!»

Князь сидел в спальне, облаченный в пижаму, кою привезли ему из просвещенных стран Заката, и барабанил пухлыми пальцами по колену. Вообще-то глава Мозгвы рассчитывал, что богатыри застрянут надолго или даже сгинут, а они вернулись, да еще так скоро...

Вбежал запыхавшийся Влесослав, бухнулся в ноги:

– Не вели казнить, вели слово молвить!

– Так уж и быть, – скрывая нетерпение, сказал Юрий.

Распорядитель встал и затараторил:

– Одолели-таки! Я не понял как, но одолели. Лихо, оно страшное. Ранило богатыря, ну, что самый сильный, Егорий. Притащили с собой голову Лиха. Глаза вроде два. Один стеклянный. Голова лысая, как коленка... – Тут Влесослав осекся, взглянув на княжью макушку, на которой играли блики, отброшенные огнями лампад. – Голова-то живая, говорящая. Язык острый. Как бы беды не наговорила, сглазу-порчи не наслала. Лихо, оно сильное. Без тулова-то кто знает? Чтобы горюшка не содеялось... Вдруг? Егория-витязя, рекут, всего лишь пер-

стом коснулось, ан сила богатырская долой! Мягкий куль, а не богатырь. И спит постоянно. Иван даже не дрался, как я понял. Он, чую, совсем не удалой, без брата не воин. У того ранка гноится, сам в седле сидеть не может...

Здесь зеленый зашел на второй круг, и князь поднял руку, останавливая речь слуги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.